

18+



ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ МИРА

Владимир Лазарев

Владимир Лазарев

Последняя история мира

«Издательские решения»

Лазарев В.

Последняя история мира / В. Лазарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558582-0

Если бы вы узнали о своем доме нечто такое, что способно уничтожить его, с кем бы вы поделились тайной? С тем, кто плюет на судьбу мира, или же с тем, кто хочет его спасти? И уверены ли вы в том, что равнодушный приблизит конец, а спаситель — отдалит? Крохотный мир Ойкумены отделен непреодолимой Границей от мертвых земель. Никто не стремится вырваться наружу, кроме четырех бесщадных разбойников, которым тесно за родными стенами. Случайная стычка на Границе навсегда меняет ход истории.

ISBN 978-5-00-558582-0

© Лазарев В.
© Издательские решения

Содержание

Крысы и границы	6
Инквизитор	20
Смерть семьи	30
Две головы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Последняя история мира

Владимир Лазарев

Редактор Анна Феликсова

Корректор Александр Меньшиков

Дизайнер обложки Мария Бреус

© Владимир Лазарев, 2021

© Мария Бреус, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-8582-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крысы и границы

Восточная степь Аураалос – поганое место. Унылая гладь земли от горизонта до горизонта заставляет любой путь казаться бесконечным. От солнца можно укрыться разве что в походной палатке, а проклятый суховей забивает глаза пылью, застилает взор – хотя оно, возможно, и к лучшему. Жалкие клочки низкой растительности сражаются за остатки живой земли, еще не вытоптанной до конца дикими кочевыми племенами. Единственное, за что глаз путника может зацепиться в этих краях, так это змейка редкого молодого леса, что служит преградой не только для полумертвой степи, но и для излишне любопытных людей. Обманчиво-умиротворяющий вид невысоких деревьев может сбить с толку того, кто по какой-то причине не знает о Границе. Надежнее, чем любой ров или стена, этот полупрозрачный лес отделяет земли набожного города Левиафана от неизведанных краев, куда нет ходу ни дикарю, ни горожанину.

Церковь Левиафана учит, что когда-то людей за всевозможные грехи покарал их божок. Причем, в лучших традициях своего учения, были наказаны не только отступники, но все и сразу, после чего от просторов неохватного мира остался лишь жалкий клочок земли, эдакий анклав жизни в окружении непроницаемой смерти. Человек, в настоящий момент наблюдавший Границу, находил эти рассказы весьма забавными – одного взгляда на потрескавшуюся глину под ногами хватало, чтобы понять, где на самом деле пролегали мертвые земли. И все же Граница была настоящей. Время от времени объявлялись наглецы и заявляли, что им удалось выйти за пределы известного мира, где они, якобы, видели все, на что только таким рассказчикам хватало воображения и совести. Но человек знал наверняка – если люди из его отряда не справились, значит, не справился никто.

Можно подбираться к Границе и выверять каждый шаг с подробной картой в одной руке и скрещенными пальцами на другой. Можно с прямой спиной, горланя песни, шагать ей навстречу, оставив предосторожность на дне бутылки. Результат известен наверняка – Граница тебя не пропустит. Ты не узнаешь, почему остановилось твое сердце, не увидишь ни разящего лезвия, ни разверзшейся под ногами ловушки. Ты будешь продвигаться вперед и в один момент упадешь наземь – или, если не повезет, сначала ты услышишь, как рядом молча падает твой друг. Так Граница дает понять, что она обратила на вас внимание.

Большинство людей внутри Границы не знают, каково это. Они, конечно, встречали тех немногих, кто смог вовремя повернуть назад, видели в их глазах тупой ужас. Но им неизвестна та непреклонность, с которой мир защищает свои тайны. Не знает народ и о том, что Граница – это не сам лес. Проходя путь с севера на юг Аураалоса, она погибает к западу и становится практически неразличимой, и невидимой нитью тянется к реке Метапон, чьи воды служат Западной Границей известных земель. Оттуда, направляясь на северо-восток, она вновь переходит в редкий лес и замыкает круг, выйти за который живым не смог еще никто.

Наблюдавший Границу человек был одним из тех немногих, кто точно знал очертания известного мира, называемого Ойкуменой. Он и его люди вот уже третью неделю шли в опасной близости от леса, чтобы избежать лишнего внимания со стороны кочевых племен – дикий народ без устали рыщет за высокими стенами городов в поисках наживы. Необходимо было держаться как можно ближе к Границе, куда не сунется ни дикарь, ни солдат.

– Эй, Йонна! – пропел где-то позади человека знакомый ему голос. – Фил и Флэй вернулись с реки. Рыбу принесли!

Человек со странным именем в недоумении оглянулся. Позади него с ноги на ногу переминалась Элен – сестра Йонны и его верный компаньон. Девушка по-детски радостно улыбалась от уха до уха.

– Чего они принесли? Рыбу?

– Ну да, – ответила Элен, бросив настороженный взгляд через плечо брата. – Я, так и быть, приготовлю нам ужин, если кто-нибудь ее почистит.

– Какого черта эти идиоты стали ловить рыбу? – Йонна вопросительно развел руками. – Они вообще не должны были подходить к самой реке.

– Да не ловили они ее, успокойся, – Элен примирительно вскинула перед собой грязные от земли ладошки. – Просто убили какого-то рыбака.

Йонна болезненно поморщился.

– Элен, какие, мать твою, рыбаки на границе мира? И зачем оставлять следы? Может, они его еще и распяли, чтобы нас было проще выследить?

Элен молча слушала брата с невинностью монахини и лишь хлопала большими темными глазами. Слегка наклонив голову, она наматывала на палец сальную прядь коротко постриженных волос цвета каштана, в которые был аккуратно вплетен неказистый степной цветок.

– Ладно тебе! Здесь на несколько километров вокруг никого нет. – Элен сделала паузу, после чего загадочно улыбнулась и ехидно добавила: – Кроме распятого рыбака, конечно.

С этими словами девушка волчком развернулась на месте и направилась вприпрыжку к лагерю, Йонна последовал за ней. По пути назад он размышлял о возможных последствиях того, что натворили его друзья. Рыба, конечно, внесет приятное разнообразие в их скудный рацион из сухого пайка, но мертвым телам свойственно привлекать нежелательное внимание, особенно если мертвое тело ищут живые. Другой вопрос – что этот человек вообще делал так близко к Границе? Сколько бы рыбы ни было с ним в лодке, Йонна ни на мгновение не верил, что во всем мире нашелся идиот, который поплыл против течения к невидимому смертельному барьеру ради жирного улова.

Его размышления прервала своим неизменно веселым голосом Элен:

– Ты чего отходил так далеко? Если по нужде, так тут нигде не спрячешься.

– Можно и так сказать, – раздраженно пробурчал Йонна. – Жаль, головой просрать нельзя.

– Опять голоса?

Вместо ответа Йонна сплюнул и потер покрасневшие от пыли глаза.

– Плохи дела, – протянула девушка. – Если все же надумаешь на тот свет, не трать пули, у нас их мало. А если серьезно, то лучше отвлекись, почисти рыбу. Я все остальное сделаю.

Река, к которой на разведку выдвинулись Фил и Флэй, звалась Анамэло – она, как и Метапон, брала свое начало с внешней стороны Границы. Воды Анамэло пронизывают лес и бегут к западу, напрямиком к Левиафану. Йонна и его люди решили разведать обстановку на обоих берегах, прежде чем переправляться на другую сторону и продолжать путь. Все должно было пройти тихо, однако разведчики решили проявить инициативу, и теперь многое зависело от того, как они поступили с телом «рыбака».

Путь до лагеря не занял много времени. Располагалось временное пристанище в редкой для равнинных земель Ауралоса ложбине, похожей на окоп давно минувшей битвы. Особо надежным это место назвать было сложно – любой, кто захочет поискать группу головорезов-дезертиров, в первую очередь проверит эту примечательную складку. А если учесть, что украденная рыба должна быть приготовлена на огне, все малое преимущество грозило в один момент обернуться против пирующих.

Йонна поравнялся с Элен на пороге ложбины, откуда увидел двух других членов группы, копошившихся внизу среди мешков с провизией и походных палаток. Здоровяк Фил неторопливо ползал кругами на корточках и высматривал что-то на земле вокруг себя. Его неразлучный подельник Флэй, вытянувшись во весь рост своего длинного худощавого тела, проверял, не отсырело ли его огниво. Друзья явно пытались развести огонь.

Молча спустившись к лагерю, Йонна в своей обычной манере развел руками и сопроводил жест испытующим взглядом. Один лишь внешний вид его друзей говорил о многом –

в частности, о том, что после себя они оставили чудовищный беспорядок. Оба были по пояс голыми – верхняя часть одежды наверняка перепачкана кровью и застирана в реке. На грубых походных штанах и солдатских сапогах виднелись мелкие алые брызги. Подельники переглядывались между собой с выражением лиц нашкодивших братьев, которые гордятся собственной шалостью.

Первым из них не сдержался Фил. Повернув блестящую выбритую голову к соучастнику, он с усмешкой пробасил в свою густую бороду:

– Ты был прав, он очень недоволен.

Прежде чем Флэй успел придумать остроумный ответ, Йонна взял инициативу на себя:

– Знаете, я буквально пару минут назад пошутил о том, что вы того рыбака, должно быть, к кресту прибили. Теперь я вижу, что вы перед этим искупались в его внутренностях.

Флэй уже не сдерживал смех и явно порывался что-то ответить, но Йонна придал своей речи максимально серьезный тон и с нажимом продолжил:

– Вам, господа, явно нравится создавать препятствия на собственном пути. Нет, ну бог бы с этим идиотом, – Йонна показал рукой на Фила, вновь вернувшегося к поиску горючего. – Нашему церковному мальчику уже все равно, кого потрошить. Но ты-то, Флэй? Этот рыбак что, достаточно сносно сопротивлялся, чтобы так усердствовать?

В ответ Флэй скорчил оскорбленную гримасу, что смотрелось весьма убедительно на его неуместно смазливом для разбойника лице.

– Вот снова ты начинаешь, не разобравшись. Между прочим, у того рыбака было оружие! Правда, Фил?

Призванный к ответу здоровяк, не отрываясь от безуспешных поисков, утвердительно пробубнил себе под нос.

– Это оно? – раздалось поодаль.

Трое мужчин бросили свой шутливый спор и резко обернулись в сторону голоса. Это, конечно, была Элен, и она держала в руках длинный стилет с зацепом, явно принадлежавший тому самому рыбаку. Улыбки мгновенно слетели с лиц спорщиков. Дело было дрянь.

Элен родилась в Акросе, городе чиновников на западе Ойкумены, и вместе со своим братом служила в армии в звании медика. Как и остальных людей в четверке, родной город осудил ее на смерть за преступления против народа. Но если ее друзей искали за одно лишь дезертирство, то Элен отдали под трибунал при более мрачных обстоятельствах, о которых она не заговаривала даже с родным братом. Йонна, Фил и Флэй не уступали друг другу в жестокости по отношению к своим врагам, но с Элен все было куда сложнее. Тот же Фил, который любил похвастаться десятками убитых на счету, отзывался о подруге не иначе как «одержимая».

Никто из мужчин не был готов к этой ситуации. О своем состоянии Элен прекрасно знала. Оставалось только гадать, зачем она подобрала треклятый стилет.

– Я думал, рыбу досталось чистить мне, – осторожно начал Йонна, натянув, как мог, самую очаровательную улыбку. Фил и Флэй молча поглядывали на блестящее лезвие в руке Элен. – Ты же знаешь, тебе нельзя трогать острые железки просто так.

Девушка стеклянным взглядом смотрела в сторону друзей, ее глаза не останавливались ни на одном из них. Она была намного меньше размером, но в случае Элен это не имело ни малейшего значения. Стараясь выглядеть спокойной, она попыталась улыбнуться, однако уголки рта не слушались ее и дрожали от напряжения. Тогда она оставила попытки и заговорила тем низким, проникающим голосом, который приходил на смену своему звонкому насмешливому собрату всякий раз, когда Элен прикасалась к оружию.

– Ты прав, братишка. Забери у меня нож.

Йонна с облегчением выдохнул и сделал несколько осторожных шагов навстречу сестре. Но Элен, вместо того, чтобы протянуть нож брату, отвела руку назад – тугие мышцы напря-

жены, как перед броском. Лицо прорезала неестественная улыбка, какие бывают на посмертных масках.

Если бы группа не шла вдоль границы вот уже двадцать изнурительных дней кряду, если бы по пути им попало хоть что-то живое, на чем Элен могла бы отвести душу, – Йонна бы не волновался. Но он не помнил, когда его сестра в последний раз убивала, ведь с тех пор, как они покинули город около двух месяцев назад, им приходилось сторониться людей, чтобы сбить со следа возможных преследователей. Что творилось после всего этого затишья и нескончаемой скуки в голове Элен, оставалось только гадать.

– Вашу же мать, а! – возглас Флэя оказался настолько внезапным, что Йонна невольно вздрогнул. – Тот рыбак так долго за этот нож не держался, как ты, Элен. Мы тут до утра возиться будем, если зануда не начнет чистить улов прямо сейчас.

Неизвестно, на что рассчитывал Флэй, но это сработало. От неожиданности Элен пришла в себя и усилием воли разжала пальцы. Перепачканный кровью стилет глухо упал к ее ногам. В ту же секунду ее лицо просияло и озарилось теперь уже привычной, живой улыбкой. Раздался знакомый беззаботный смех.

– Да уж, Йонна, как болтать, так ты первый, – Элен пнула рыбацкий стилет в сторону брата. – Займись делом!

Где-то позади нервно рассмеялся Фил, после чего повисло молчание – все четверо давали друг другу передышку. По пути к стилету Йонна обернулся и с благодарностью взглянул на Флэя, который явно ожидал вознаграждения за свою смекалку.

– Я тут подумал, – прервал, наконец, тишину Фил. – Может, отсыпем немного пороху из огнестрела на угли, что мы с собой несем? Тут кругом ни черта нет, что хорошо горит... А стрелять нам все одно некого.

– Об этом все успели подумать, здоровяк, – усмехнулась Элен. – Спорная затея.

– Мы столько сделали ради этой рыбы, – присоединился к обсуждению Флэй. – Для розжига ведь немного нужно?

Йонна уже вовсю чистил улов и не сразу почувствовал, как все трое затихли и вопросительно уставились на него. Он в очередной раз вспомнил, за что терпеть не мог роль лидера – сама идея заботы о людях не находила отклика в его душе еще во времена армейской службы. Каждый раз, когда этим головорезам требовался план, голоса в голове Йонны шептали особенно громко. И все же друзья полагались именно на него – с тех пор как Граница забрала сразу пятерых товарищей, одним из которых был прирожденный тактик по имени Мертамис, чьи решения неоднократно спасали жизнь всем членам группы.

С трудом собравшись с мыслями, Йонна отложил в сторону стилет и начал рассуждать вслух:

– Когда пересечем Анамэло, до нужной нам тропы останется два-три дня пути, но Граница нас больше не защитит, так как идти мы будем по направлению к Башне. Огнестрел может пригодиться в любой момент. Если из него отсыпать даже щепотку пороху, оружие может не сработать. Когда ограбим первую попавшуюся делегацию в Башню, проблема отпадет, но до этого еще нужно дожить. Итак, либо мы впервые за несколько недель устраиваем нормальный ужин, либо, весьма вероятно, погибает в этих чертовых степях через пару-тройку дней.

Для принятия решения Филу, Флэю и Элен потребовался один взгляд друг на друга, после чего все трое в один голос выпалили:

– Ужин!

Довольный решением друзей Йонна вернулся к своему прежнему занятию.

Уже через несколько минут путники сидели вокруг уютного, хотя и не впечатляющего огня – запалить припасенные угли благодаря пожертвованному пороху не составило труда. С настоящими дровами не сравнить – та же рыба наверняка останется полусырой, – но нищие,

как известно, не выбирают. Очистив улов от чешуи и сделав все необходимые надрезы для потрошения, Йонна наконец передал рыбу Элен и присоединился к остальным спутникам в их голодном ожидании. Фил и Флэй времени зря не теряли – из походного мешка вынырнула крупная бутылка с крепким церковным вином. Элен возилась с требухой и недовольно бурчала о несвоевременности попойки, однако ее друзья не прислушивались и всю делились друг с другом огненной водой.

Йонна смаковал редкое чувство спокойствия. Ничто, кроме собственных мыслей, не бредило его разум, а руки не заходились постыдной дрожью, унять которую обыкновенно могли только алкоголь и чужая кровь. Компания и обжигающее вино настолько захватили его, что он совсем забыл о рыбаке. Вместо продолжения того разговора, он, устало улыбаясь, вполуха слушал споривших о чем-то Фила и Флэя. Здоровяк Фил морщил лоб в поиске победного аргумента и неистово чесал свою бороду, запустив в нее целиком огромную пятерню. Флэй насмешливо поглядывал исподлобья на бородача, скрестив жилистые руки на груди, и нетерпеливо постукивал носком сапога. Элен с улыбкой участия выкладывала первую порцию рыбных тушек на походную сковороду. Когда, наконец, все четверо уселись вокруг огня, Йонна стал вслушиваться в нескончаемую беседу добытчиков.

– Итого, получается, сорок семь, – подытожил Флэй, утвердительно покачав головой.

– Всего-то! – усмехнулся в ответ красный от хмеля Фил.

Йонна вопросительно взглянул на Элен, чтобы та посвятила его в суть разговора.

– Членами они меряются, – закатила глаза заскучавшая девушка. – Кто сколько людей убил в бою.

– Почему именно в бою? – обратился Йонна к спорщикам.

– Да потому что в бою обычно дают сдачи, – со снисходительной важностью в голосеотреагировал Фил. – А значит, это оправданное убийство.

Весь немногочисленный лагерь тяжело вздохнул в ответ на старую песню, вновь заведенную здоровяком. У него была потрясающая по лицемерию и раздражительности привычка оправдывать свои неоправдываемые поступки ссылками на тексты Священного Писания. В большинстве случаев его отсылки имели мало общего с общепризнанным учением Церкви Левиафана.

– Вот видишь, – беспомощно развел руками Флэй. – Помоги мне с ним, Йонна, ты в этом больше разбираешься.

Не успел вызванный на подмогу Йонна открыть рот, как его опередил оскорбленный бородач:

– А ты его не приплетай! Лучше разбирается он... Потому что отца святого убил, на это намекаешь? – Фил явно слишком серьезно воспринял непринужденность друзей.

Йонна не переживал. Фил часто демонстрировал свою удаль, когда дело касалось его веры. Сами попробуйте все детство провести в духовной семинарии Левиафана, где за неверное ударение в имени святого можно было схлопотать трещину в ребре.

Тем временем в разговор включилась Элен, явно желая получить долю удовольствия от возмущения друга:

– Кстати, Фил, а как с рыбаком-то быть? Он тебе тоже ожесточенно сдачи давал?

– А то! – со смехом подхватил Флэй. – Забросал нашего святого собственными кишками с ног до головы.

Атакованный со всех сторон «святой» счел разумным не вести неравный спор сразу с тремя оппонентами. Нахмурившись во всю силу густых бровей, Фил сделал несколько больших глотков из бутылки, в порыве опустошить как можно больше запасов бесценного спиртного в отместку обидчикам. Насмешники моментально поняли намерение своего друга и прекратили провокацию.

Вновь наступила недолговременная тишина, нарушить которую решил Йонна. Благодаря сестре он вспомнил о прерванном ранее разговоре.

– Так что произошло на реке? Неужели все из-за дурацкой рыбы?

– Я попросила бы! – возмутилась Элен, попутно вдохнув будоражащий запах шкворчащего ужина.

– Да что там рассказывать, – прокашлялся Флэй, отложив подальше от бородатого собутельника сосуд с вином. – Подошли мы, значит, к реке. Вокруг – никого. Спрятаться меж деревьев негде, мы в ту сторону и не смотрели даже. Уже собрались уходить, как вдруг Фил приметил лодку, плывущую от Границы...

– И это – «что там рассказывать»?! – оживленно перебил Йонна. – От Границы плывет мужик в лодке, будто это обычное дело, и тебе это пустяком кажется? Вы хоть спросили его о чем?

Флэй спокойно дослушал своего нетерпеливого товарища, после чего с невозмутимым выражением лица продолжил:

– Возможно, если ты помолчишь, то я даже расскажу, что было дальше.

В ответ Йонна лишь слегка шлепнул себя по губам, молча соглашаясь со справедливой претензией.

– Так вот, – продолжил Флэй, отбросив со лба слипшуюся от чада костра длинную прядь серых волос. – Нам, разумеется, стало интересно. Лодка не шибко рыбацкую напоминала, кстати, уж больно просторная была, богатая.

По спине Йонны пробежал холодок. Он так и знал – рыбак отирался у Границы не ради улова. Он явно знал что-то о Границе, чего не знают остальные. Теперь это, конечно, неважно – дознаватели ему достались неискушенные.

– Ну, мы, недолго думая, подошли к берегу. Нырять за ним ведь не нырнешь, а так он мог бы сам к нам причалить...

– Но зачем? – на этот раз вмешалась Элен. – Если я правильно помню, мы хотели пересечь Анамэло незаметно.

Йонна одобрительно вытянул руку в сторону сестры.

– Скорее всего, он нас и так видел, – вернулся в беседу Фил. – Мы ведь не смотрели в его сторону, а он тем временем к нам плыл.

Флэй утвердительно покачал головой. Остальным оставалось лишь согласиться с этим доводом.

– Ладно, допустим, – отступила Элен. – И что же, он так просто подплыл к вам?

– А вот тут-то самое интересное! – распалился от собственного рассказа Флэй. – Подплывать он к нам явно не собирался, но наш здоровяк очень здорово подметил, что рыбак был одет в табард с крестом...

Настроение Йонны испортилось еще сильнее. Конечно, здраво было бы предположить, что человек этот связан именно с Левиафаном, что вверх по течению, однако знать это наверняка оказалось куда хуже. Вероятно, за ними уже следят.

Фил, довольно улыбаясь, перехватил роль рассказчика:

– Именно что табард, а не ряса какая-нибудь, или же просто крест нательный. Явно важная персона! Так я и вспомнил по такому случаю одну из молитв, что в семинарии все зубрили.

Подобравшись, Фил прокашлялся, сложил перед собой руки и начал басить:

– «Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν, Πατέρα, Παντοκράτορα, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων».

Элен восхищенно захлопала в ладоши и звонко засмеялась. Ей очень нравилось, когда Фил говорил на сотэрсесе, языке служения.

– И он, конечно, подплыл, – безразличным тоном заключил Йонна.

– Уж не знаю, о чем он думал, – Флэй потянулся за едва готовой рыбиной. – Видимо, ему достаточно было пары строк, чтобы признать толстяка за своего.

– А я свой и есть! – хохотнул в ответ Фил и присоединился к разграблению сковороды.

– Ну и жрите сырую, – сопровождала нетерпеливость друзей Элен.

Йонна молча дожидался продолжения, пока рассказчики уминали первую недожаренную порцию ужина. Вместе с Элен, к еде он не спешил притрагиваться – сейчас было не до того. В голове роились лихорадочные мысли – старые знакомые, посещавшие его все чаще и чаще в последние дни. Теперь, когда на плечи Йонны свалилась ответственность в виде составления планов, мысли эти вновь охватывали, казалось, все его тело, сковывали движение и притупляли внимательность. Йонна не заметил, как выпал из происходящего – на сей раз отнюдь не от вина. Голоса вновь рвались наружу.

Мертамис... Алекс... Мэтти... Ларс... Джарос.

Вспышка ослепительного света на мгновение сделала предметы вокруг до тошноты четкими и полными подробнейших деталей. Голоса друзей с каждой секундой становились все выше и громче, пока наконец не слились в нестерпимый звенящий гул, от которого Йонна машинально зажал уши.

А потом все погрузилось в непроницаемую густую тьму.

Что-то давило извне, мерзкое и холодное, будто тело забросали сырой землей. Воздух превратился в смолу, скрутил нутро обессиливающим спазмом. Йонна затравленно оглянулся по сторонам – вокруг, как всегда, не было никого.

Где-то внутри зазвучали знакомые с детства голоса. Неразличимые для других, они требовали, чтобы в них вслушивались.

«Тесно. Нам тесно здесь».

Что-то впилося в плечо. Его рвали, будто когтями.

«Выйди. Туда, за Границу. Мы выйдем с тобой».

Внезапное облегчение в груди. Доносится другой знакомый голос – но откуда-то извне, за тьмой.

– Эй! – обеспокоенный шепот сестры звучит совсем близко, и он громче церковного колокола.

Йонна повернул голову на звук и окинул девушку бессмысленным взглядом. Элен очень тонко чувствовала, что происходит в душах людей, и, как всегда, пришла на помощь своевременно, не дав брату провалиться еще глубже во тьму. В ее карих глазах отражались легкая обеспокоенность и участие. Вместо подбадривающих слов она лишь молча кивнула в сторону пирующих. Йонна посмотрел на Фила и Флэя – они были поглощены бессмысленным веселым трепом и передавали друг другу вино, о рыбачке никто больше не вспоминал. Они даже не заметили, как их друг ненадолго покинул компанию. Но Йонна не злился – одного их вида оказалось достаточно, чтобы вырваться из власти опасных размышлений. Безрассудство правило вечный бал в их головах. Они, безусловно, были душой этого отряда, и Йонна вдруг осознал, что это куда важнее, нежели та ответственность, что теперь лежала на нем. Пусть это и давалось им без труда, но именно благодаря своей животной радости и полному пренебрежению ко всем, кто стоял у них на пути, они когда-то и свели всю группу вместе, дали ей общую цель. Сами того не понимая, они освободили всех, кто пошел за ними, от той тесноты мира, которую ощущал каждый из их отряда. Они приняли Элен не раздумывая, зная о том, что она способна от скуки перерезать им горло во сне. Без малейших сомнений согласились путешествовать бок о бок с многословным и болезненно-задумчивым Йонной, который и предложил им вырваться из замкнутых стен Ойкумены. Их эгоизм делал невероятную, противоречивую вещь – заставлял делиться своей свободой.

Сомнения и страх бесследно исчезли. В стремлении к свободе друзья привели его к Границе, но это не сработало. Теперь он поведет их в самый центр Ойкумены, где вершится политика всех ее четырех городов, – к Башне.

Пока Йонна размышлял, Флэй расправился с первой рыбиной и был готов вернуться к рассказу о невезучем рыбаке:

– Так вот. Когда рыбак сошел с лодки, мы еще не знали, что с ним делать, – как-то не успели мы с Филом обсудить этот вопрос. Я подумал: раз уж Фил его выманил, пусть дальше сам и разбирается.

Фил согласно кивнул и перенял эстафету:

– Мы его довольно подробно расспросили обо всем. Отвечал он охотно, да толком ничего не рассказал. Диакон по сану, приплыл сюда якобы рыбы наловить. Мол, ближе к городу улов уже не такой. Решил, что мы идиоты, – Фил усмехнулся и толкнул своего соучастника локтем в бок.

– Да уж. Хоть бы табард снял, ей-богу, рыбак хренов, – согласно покивал в ответ Флэй.

– И тут, я так понимаю, всё? – приободренным голосом поинтересовался Йонна.

– Всё, – подтвердил здоровяк. – Ну, то есть, дальше сам понимаешь. Что с него еще взять было? Раз он к нам подплыть решился, то в Левиафане нас явно не ищут...

Йонна задумчиво покивал головой и, провернув мысль-другую в голове, спросил:

– А тело?

– Не переживай, – отозвался Флэй, весело подмигнув беспокойному другу, – мы с Филом знаем, как ты не любишь, когда мусорят.

Не заразиться веселым расположением духа этих беззаботных мясников для Йонны было невозможно. Конечно, Фил слишком охотно списывал Левиафан со счетов, но нагнетать обстановку Йонна уже не хотел. Он вновь незаметно для самого себя улыбался, а в его душе проснулась отступившая было уверенность в собственном деле. Вместо того, чтобы портить друзьям настроение, он, наконец, потянулся к своей невероятно аппетитной доле на сковороде и надолго замолчал.

К тому времени, как Элен выложила жариться последнюю порцию улова, выпивка так же подходила к концу, и друзья, весьма озабоченные таким положением дел, все же остались довольны происходящим. Размышляя, как лучше распорядиться остатками вина, Йонна пришел к единственно верной мысли, которую мгновенно перехватила его чуткая сестра:

– Осталось совсем немного, – приподняв бутылку, начала она. – Считаю, пора выпить за мертвых.

Мужчины, резко посерьезнев, одобрительно кивнули и стали ожидать дальнейших слов Элен.

– Совсем недавно нас было больше. Глупо скрывать, насколько каждый из нас скучает по тем, кто ушел. Жить, убивать, грабить и пить было куда веселее вдвоем, не так ли? – в этот момент грустная ухмылка отразилась на всех лицах вокруг костра.

– Мы помним своих друзей, но их отсутствие не должно обременять нас сверх меры – так когда-то мы договорились. Нам досталось и продолжать, и помнить – давайте так и сделаем. Сегодня мы поминаем наших друзей! – возвышенным тоном завершала Элен, подняв руку с вином еще выше. – Мертамис. Алекс. Мэтти. Ларс. Джарос. Пусть покой не наскучит им.

Окончив речь, Элен сделала пару мелких глотков и передала выпивку брату. Он, как и остальные, по достоинству оценил старания сестры – они оба были подкованы в этих вещах, и Элен не подвела. Когда бутылка замкнула круг, в ней еще оставалась пара-другая драгоценных глотков для девушки в знак благодарности за хороший тост. Настал черед минуты молчания – даже костер старался не трещать слишком громко. Первым нависшей тишины не выдержал, конечно же, Фил:

– И все же, дурацкое имя было у Мертамиса.

Друзья непонимающе подняли глаза.

– Скажете – нет? Мер-т-а-а-мис. «Его величество» так и напрашивается.

Через мгновение прыснула Элен, стыдливо прикрыв глаза ладонью. К ней тут же присоединились Йонна и Флэй.

– Чья бы корова мычала, *Филиппос*, – сквозь смех процедил Йонна.

– А ты думаешь, зачем я сокращаю? — как ни в чем не бывало парировал здоровяк.

Под залиvistый смех друзей у Йонны родилась нетрезвая и очень соблазнительная мысль. Резко поднявшись на ноги, он вдруг направился к палатке и вскоре вернулся вместе с походной сумкой. Его рука нащупывала что-то в боковом кармане.

– Сегодня мне пришло в голову, что у вас, подонков, нет никакого чувства меры, – наконец заговорил он, наткнувшись на предмет своих поисков. – И мне это в очередной раз напомнило, почему я захотел присоединиться к вам, – с этими словами он бросил Филу нечто похожее на карманную металлическую фляжку.

– Спасибо, Фил, что захватил ту бутылку. Не хотелось раньше времени открывать личные запасы, но я тут неожиданно понял одну важную вещь, – Йонна вновь присел рядом с друзьями, заговорщицки подавшись вперед. – Сегодня мы можем пить без меры, ведь скоро мы возьмем силой больше, чем нам нужно!

Трое друзей, с одним огнем в глазах на всех, встретили слова своего стратега радостными возгласами.

* * *

Утро следующего дня наступило слишком рано для нетрезвых путников. Яркое солнце раскаляло потертые палаточные стены, и без того тяжелый от перегара воздух сделался окончательно невыносимым. Первым не выдержал Йонна, сон которого оставался чутким даже после собственного сюрприза, выпитого на вчерашнем пиршестве. Рядом с ним похрапывала Элен. После трагедии на Границе многие палатки были пущены на расходные материалы за ненадобностью, и те, кто остался в живых, довольствовались лишь двумя. Зов природы заставил Йонну неуклюже вывалиться из походной ночлежки, где его уже поджидал безжалостный свет, выедавший непривыкшие глаза. Судя по палатке Фила и Флэя, те еще спали – вход был застегнут изнутри. Кряхтя, Йонна выбрался из ложбины и не спеша окинул взглядом окрестности. Особое внимание он уделил лесной полосе, вдоль которой им вновь предстояло идти до пересечения Анамэло. На сей раз он настойчиво всматривался в пространство между деревьями, чего не стал бы делать до всей этой истории с рыбаком. Убедившись, что вокруг нет ни души, Йонна справил нужду и стал спускаться обратно к лагерю с намерением опустошить все оставшиеся запасы воды и разбудить остальных пьяниц.

Особой необходимости торопиться не было, но ему хотелось поскорее добраться до реки, наполнить фляги и отмыться, насколько возможно, от вьвшегося рыбьего запаха, который сильно раздражал его похмельный желудок. В нескольких шагах от палаток Йонна увидел свою сестру – видимо, открытый вход в их общую палатку пропустил внутрь слишком много солнечного света. Оставалось разбудить последнее лежище.

В обнимку с бурдюком воды и ежедневным рационом сухого пайка из собственного походного рюкзака, Йонна, блаженно делая один большой глоток за другим, направился напрямик к спящим друзьям. Как только он поравнялся с палаткой, то тут же бесцеремонно свистнул – достаточно громко, чтобы изнутри моментально послышались недовольные стоны. Дождавшись, пока один из разбуженных мучительно расстегнет все входные застегки, Йонна без предупреждения бросил внутрь две порции пайка.

– Просыпаемся, завтракаем и выступаем. Чем быстрее дойдем до Анамэло, тем лучше.

– Куда спешить-то? – заспанный хриплый голос принадлежал Филу.

– У вас наверняка закончилась вода, как и у меня.

– Еще ночью... – угрюмо пробасил здоровяк.

– А потому поднимай Флэя и пошли лечиться на реку, – подытожил Йонна, чей командный тон пока оставался незамеченным.

Когда к лагерю вернулась Элен, все четверо, тяжело вздыхая, проглотили сухой безвкусный завтрак, свернули лагерь и направились в сторону реки, лишь изредка обмениваясь рублеными фразами. Путь должен был занять не более часа, однако эти минуты сильно отягощались неутолимой жаждой и безжалостным солнцем, нависшим, казалось, над путниками прямо над их головами. Невольно подгоняемые нуждой, четверо друзей, не сговариваясь, ускорили шаг, разговоры же прекратились окончательно – у всех на уме была лишь жажда и река, которая решит все сиюминутные проблемы. Зеленая полоса Границы позволяла не сверяться с картой, одним своим постоянным присутствием указывая кратчайший путь до Анамэло.

Наконец местность стала узнаваемой для вчерашних разведчиков, и группа смогла сократить дорогу еще больше. Буквально через считанные минуты, под руководством Фила и Флэя, друзья увидели впереди долгожданные отблески воды. Однако, прежде чем обрадованные путники успели рвануть к реке, Йонна предостерегающе поднял руку и, убедившись, что его друзья не понесутся сломя голову навстречу черт знает чему, потребовал для начала показать ему тело.

– Вы сами сказали, что на рыбаке был табард, – пояснил он. – Если тело на месте, то он, скорее всего, был один, и вас никто, кроме мертвого, не видел. Но если его уже закопали или хотя бы перенесли, то у реки небезопасно.

Недовольно ворча, Филу и Флэю оставалось лишь согласиться – их настоящая цель лежала куда дальше самой реки, и для ее достижения требовалась осторожность.

Все четверо неторопливо направились к реке, придерживаясь враждебного леса на востоке. Йонна невольно поежился – вот уже второй раз он шел в опасной близости от смертельной преграды. Безусловно, его друзья не настолько глупы, чтобы прятать тело в самом лесу или хотя бы рядом с ним, но один лишь вид безобидных на первый взгляд деревьев вселял неуверенность и тревогу. Когда до зеленой полосы оставалось не более двухсот метров, Флэй указал куда-то в сторону реки. Повернув голову, Йонна, вопреки ожиданиям, не увидел тела – все те же отблески воды отвлекали от непримечательной земной глади. Вокруг не было ни кустов, ни высокой травы, ни тем более деревьев, где можно спрятать труп, однако Фил и Флэй уверенно зашагали вперед. Йонна последовал за друзьями и вскоре заметил, что в едва заметном углублении в траве что-то чернеет. Флэй повернулся и с довольным выражением лица заявил:

– Как я и сказал – за собой мы прибрали.

Йонна приблизился к месту «захоронения» и только тогда окончательно разглядел очертания перевернутой дном вверх лодки, которую Фил и Флэй аккуратно забросали дерном. Яма, где покоилось судно вместе со своим капитаном, как нельзя кстати подходила по размеру, хотя и было понятно, что убийцы ее не выкапывали. Йонна взялся за край лодки и оттолкнул ее в сторону. Под ней, конечно, лежал тот самый рыбак – вид у тела был такой, будто перед смертью этот мужчина действительно, как пошутил вчера Флэй, бросался в здоровяка собственными кишками. Впрочем, это неудивительно, ведь не только Элен испытывала скуку. Когда все четверо поравнялись с телом, Йонна вопросительно посмотрел на Фила.

– Как вчера положили, так он и лежит, – откликнулся тот.

– Верно, – кивнул Флэй, отмахиваясь от многочисленных мух, которые жадно слетались на пиршество. – Целый и невредимый.

Судя по всему, за мертвецом некому было прийти. Его нетронутое состояние, если так можно выразиться, указывало на то, что за разведчиками вряд ли следили – трупы по традициям Левиафана обязательно следовало хоронить.

– Кто последний, тот мертвый диакон! – выкрикнула молчавшая все это время Элен и пустилась вприпрыжку к реке, как ни в чем не бывало.

– Черт тебя побери, Элен! – запоздало попытался одернуть сестру Йонна и тотчас поспешил следом.

К воде путники вышли наперекор всем соображениям предосторожности – поспешно и крайне шумно. Тем не менее, когда перед ними открылся искрившийся на солнце поток, никому уже не хотелось обсуждать идиотский поступок Элен. Все спешили наполнить фляги и утолить набившую оскмину жажду.

Вдоволь напившись, Йонна скинул походный рюкзак на траву, выпрыгнул из сапог и с разбегу бросился рыбкой в воду. Вынырнув на поверхность, он обнаружил, что друзья спешили последовать его примеру – Элен, весело хихикая, осторожно заходила в воду, Фил и Флэй пытались спихнуть друг друга с берега повыше, в паре шагов от пологого входа. Путники наконец могли отвести душу.

Окончательно утолив жажду и замерзнув, все четверо выбрались обратно на берег и улеглись прямо на траву, наслаждаясь совсем недавно проклинаемым солнцем. Похмелье отступило, и с ним окончательно растворились остатки бдительности – даже вечно настороженный Йонна не выказывал ни малейшего желания осматриваться по сторонам.

– Кстати, о дурацких именах, – заговорил вдруг Фил. – Йонна, тебя ведь Джон зовут, не так ли?

Элен позволила себе злорадный смешок. Если бы не эта усмешка, Йонна мог бы надеяться, что расспросы здоровяка не зайдут слишком далеко. Теперь же – карты на стол.

– Да, Фил, так и есть. Йонна – это, скорее, прозвище.

– Как же вышло? – не унимался, как и ожидалось, здоровяк. – Прозвища обычно, ну... Значат что-то.

– Кх-м... – прочистил горло Джон, аккуратно подбирая слова. – Как ты помнишь, я священника убил.

Брат с сестрой одновременно повернули голову в сторону Фила, приподнявшегося на локтях от такого начала. Он внимательно ждал продолжения, лицо его пока что оставалось непроницаемым.

– Так вот, – Йонна тоже решил принять позу поудобней. – Это он меня так назвал впервые. Дело вот в чем – священник тот, как бы тебе сказать... Мужеложцем он был, в общем.

Йонна умолк, чтобы проверить реакцию Фила, но обнаружил лишь легкое недоумение и решил более не щадить нежные чувства мясника:

– Мы с товарищами базировались в Латрисе, отдыхали после очередного боя с дикарями. Вечером мы ходили выпить в ближайший трактир – там-то и появлялся иногда этот священник. Сам знаешь, Левиафан посылает в тот городишко либо непрошибаемых фанатиков, либо полных развратников – других там не водится. Так вот, этот болван в рясе никого и ничего не стеснялся, знал, что в Латрисе можно все, даже ему. И, как назло, глаз свой он именно на меня положил. Когда напивался, наглед до безобразия, и как-то раз назвал меня женским именем на местный манер – Йонна. Достал он меня, да и подчиненным слышать такое было ни к чему. – Джон развел руками. – Я мог бы, конечно, просто проучить его как следует, но уж больно важной шишкой он был. Либо оставить в покое, либо по-тихому в канаву с пером под бок. Сам понимаешь...

Фил, как от него и ожидали, побагровел и начал мотать головой, нужные слова избегали его. Тем не менее, когда он наконец разразился проклятиями, направлены они были не в адрес Йонны – из его торопливой и гневной тирады можно было понять, что он сокрушался о душе священника и о том, как легко в наше время те поддаются греху. Слушать его было весьма забавно – та же Элен, судя по выражению лица, получала несравненное удовольствие. Йонна переводил взгляд с довольной физиономии сестры обратно на здоровяка, и тут заметил абсо-

лютно серьезного Флэя, который смотрел в одну точку на другом берегу реки. Не обращая внимания на разгоряченного друга, он поднялся и негромко сказал что-то про кусты вверх по течению, которые Йонна успел приметить в качестве нужника. Посчитав, что Флэй собирается использовать их именно по этому назначению, Йонна вновь повернулся ко все еще красному бородачу.

– Да ладно тебе, Фил, нашел проблему, – подливала тем временем масло в огонь Элен.

– Ха! Конечно же, для вас, язычников, это не проблема – сношаться с кем попало! Может, еще скажешь, что и с родней ложиться – правильно?! – продолжал разнос Фил. – Да зачем ты вообще себе это имя оставил, а?

– Не знаю, – пожал плечами Йонна. – Неплохое вроде имя.

– А где же тогда грань? На что ссылаться? У меня вот есть Писание, и там сказано...

– Ради твоего же бога, Фил, не в этот раз! – взмолилась Элен, шутливо сложив перед собой руки. – Эти твои цитатки – не более чем...

Со стороны зарослей донесся приглушенный хлопок. Все трое как по команде вскочили на ноги и ринулись в направлении камыша – в руках у Йонны тут же появился огнестрел, Фил выхватил охотничий нож из специального крепления внутри сапога. Через несколько мгновений после хлопка послышался приглушенный стон и из кустов напрямик в реку вылетел человек, беспомощно суча руками по воздуху. За ним прыгнул не кто иной, как Флэй.

Поравнявшись с ними, Йонна, Элен и Фил напряженно наблюдали за происходящим с берега – нужно было понять, что происходит, прежде чем прыгать вслед за другом – в бою нет места поспешным решениям, и сейчас, когда дело дошло до схватки, обыкновенно ослабленные путники действовали хладнокровно и размеренно.

Флэй появился на поверхности почти сразу после прыжка – он плыл спиной к берегу, помогая грести левой рукой. Его правая рука была сомкнута замком на горле жертвы. Когда до берега оставалось не больше двух метров, Флэй боролся со своим уловом уже стоя, побег стал окончательно невозможным – на помощь подоспели Фил и Йонна.

Здоровяк схватил загадочную персону за грудки, поднял над водой и швырнул на берег так, что у человека вырвались остатки воздуха из легких. Йонна прыгнул в сторону жертвы и приковал ее к земле ногой. В окружении четверки путников, на земле лежал молодой мужчина и дико вращал глазами. Его широко раскрытый рот с жадностью ловил драгоценный воздух.

Друзья дали новоприбывшему отдышаться, а сами принялись рассматривать свой очередной улов. Мужчина был одет крайне странно – черный плащ из невиданной ткани и чудной выделки сапоги того же цвета отвлекали внимание от главной детали – табарда с крестом, таким же, как на мертвом рыбаке-диаконе. Сам мужчина выглядел не старше двадцати пяти лет, лицо гладко выбрито, длинные волосы аккуратно собраны в хвост и закреплены белым жгутом.

– Черт, Черт, ЧЕРТ! – закричал Йонна, затравленно озираясь по сторонам. – Их больше! Ну, вот они мы, подходите!

– Брат, успокойся! – Элен попыталась схватить Йонну за плечи, но тот резко отдернулся и рванул назад к зарослям, Флэй последовал за ним. Между тем Фил медленно наклонился к очередному «крестоносцу» и стал демонстративно водить перед его лицом сверкающим на солнце лезвием.

– Итак, друг, – начал допрос здоровяк. – Где остальные?

Однако вместо общего наречия Ойкумены, испуганный церковник затараторил на сотэ-ресе, постоянно прерываясь на всхлипы:

– Ἀγίε Ἀγγέλε!.. μὴ εὐκαταλίπης με τὸν ἀμαρτωλόν, μηδέ ἀποστής ἀπ' ἐμοῦ διὰ τὴν ἀκρασίαν μου...

– Лучше бы тебе успокоиться, друг, – распалялся Фил, все плотнее прижимая острие ножа к трепыхавшемуся горлу. – Где. Остальные.

– Что он говорит? – в голосе Элен звучало сострадание, в которое ее друзья не верили по веским причинам.

– Молится он. Довольно сбивчиво... – задумчиво ответил Фил и осторожно помотал своей массивной головой по сторонам. – А больше тут никого и нет.

Элен самолично обвела взглядом пустынную местность – никто и впрямь не спешил на помощь очередной жертве в табарде.

Тут из зарослей камыша наконец показались Йонна и Флэй. Назад они возвращались спокойным шагом – судя по их виду, они не нашли ничего стоящего и также подметили отсутствие «остальных» церковников. Когда они дошли до места допроса, их жертва больше не читала молитвы – парень впал в оцепенение и не прекращал рыдать, его горло хрипело и выдавало нечленораздельные звуки.

– Он бесполезен, – пожал плечами здоровяк. – Двинулся умом от страха, кажись. Я пару надразов сделал, – Йонна и Флэй бросили взгляд на указанное Филом место на шее юноши. – Воет на одной ноте, будто не чувствует ничего.

Около минуты друзья задумчиво слушали завывания церковника, периодически оглядываясь то на зеленеющую невдалеке Границу, то на другой берег Анамэло. Всем мерещились табарды с черным крестом.

– Элен, – заговорил наконец Йонна. – Ты можешь его привести в чувство?

Скривив губки в непродолжительном размышлении, девушка отрицательно покачала головой.

– У меня ничего подходящего с собой нет. Вы от страха штаны не мочите.

– Да и к черту его, – махнул рукой Флэй, и, отступив полшага назад, со всей силой погрузил свой сапог в лицо стонущего мужчины. От удара его голова беспомощно дернулась в противоположную сторону, однако, к удивлению путников, тот не только не потерял сознание, но и продолжал в беспамятстве завывать. Флэй сплюнул от досады.

– Если кто-то и правда поблизости, нам некогда его тут допрашивать, – заключил он.

Фил и Йонна согласно закивали, и лишь Элен, понимая, что последует дальше, по своему обыкновению вступилась за беспомощную жертву. Искренняя жалость Элен к поверженным врагам брала начало из того же темного, извращенного места, что и ее жестокость. Друзья иногда спорили у нее за спиной, какая из этих двух личин пугает их больше.

– Оставим его здесь, а? – сделала та первую бесполезную попытку. – Он же безобиден.

– Элен... – уставшим тоном начал было Флэй.

– Он видел нас, и он явно из Левиафана, – тут же поддержал его здоровяк.

– А то, что вы уже одного из них убили, – этого недостаточно? Они все равно узнают...

Тем временем Йонна вновь вспомнил о рыбаке. Не очень-то их жертвы походили друг на друга. Один лишь крест кое-как объединял их. Конечно, они были связаны, но, быть может, совсем не так, как рисовало воспаленное тревогой воображение. Что-то в этой картине глубоко беспокоило Йонну. Он и его друзья явно упускали из виду важную деталь. Оставить это просто так теперь невозможно.

Оторвавшись от раздумий, Йонна вновь услышал мольбы Элен и почувствовал на себе пристальные взгляды остальных друзей. Они больше не пытались переубедить сестру своего стратега и молча предоставляли ему эту возможность.

Было ясно как день, что делать с Элен. Йонна выхватил армейский нож из-за пояса и без предупреждения подбросил его в сторону сестры. Элен с быстротой дикой кошки резко выбросила руку вперед и схватила нож аккуратно за рукоять. Ее взор, как и вчера у лагеря, мгновенно потух, лицо утратило привычное выражение. Спор прекратился сам собой.

Элен не заставила себя ждать. Игриво перебрасывая поблескивающее лезвие из руки в руку, она не спеша направилась к своей жертве, от которой заранее отступились ее спутники. Несмотря на их осторожность, в душе они не испытывали страха – ведь Элен наконец развлечется. А если она сделает это с очередной рыбкой из реки – что же, тогда нечего опасаться за собственные шкуры в следующий раз, когда она по не известным никому причинам вновь возьмется за оружие.

Рука Элен молниеносно дернулась, лезвие жадно вонзилось в податливую кожу. Надоевшие всем всхлипы моментально прекратились – девушка хотела обратить на себя внимание, и у нее получилось. Взгляд церковника наконец прояснился, бедолага пришел в себя именно тогда, когда делать этого не стоило. Мужчина ослепшими глазами уставился на пронзенный черный крест на своем животе, затем перевел взгляд на Элен. Та хищно улыбалась от уха до уха, и как только взор жертвы встретился с ней, она начала толкать рукоять вперед.

По берегу Анамэло разнесся истошный вопль. Юноша, захлебываясь криком, пытался вырваться из смертельной хватки, но на это у него было еще меньше шансов, чем сбросить с себя Флэя еще там, в реке. Лезвие ножа медленно ломало одно ребро за другим. Девушка растягивала момент настолько, насколько ее жертва могла выдержать.

Элен очень тонко чувствовала, что происходит в душах людей.

После очередного тошнотворного хруста истошные мольбы резко прервались. На месте, где минуту назад лежал человек, остался лишь уродливый испорченный мешок в луже собственной крови. Элен все еще удерживала добычу, оставаясь почти неподвижной – лишь ее грудь заметно вздымалась от пьянящего восторга.

На этот раз Йонна не стал дожидаться помощи Флэя – незаметно подкравшись к Элен, он резко схватил ее за руку, в которой та сжимала рукоять ножа. Вопреки всеобщим опасениям, она не сопротивлялась – только повернула голову в сторону брата и разжала пальцы.

Йонна был счастлив. Он помог Элен подняться и, несмотря на то, что она была покрыта чужой кровью буквально с головы до ног, без колебаний обнял ее. Через плечо брата девушка увидела улыбки на лице ее друзей – и вот уже все четверо вновь переживали то прекрасное чувство, объяснить которое они не могли, да и не пытались. Восторг переполнял каждого из них – очередной враг втоптан в землю. Они живы. Сегодня удачный день.

Но мертвец нетерпеливо требовал размышлений. Йонна предоставил друзьям возможность обыскать тело и погрузился в раздумья. Он понимал, что все хотят как можно скорее двигаться дальше, вглубь Ойкумены, к цели. И все же он необычайным образом ощущал себя прикованным к этому месту. За последние два дня здесь произошло что-то, чего Граница, вероятно, не видела с начала своего существования. Тот рыбак – вовсе не рыбак, а бедолага, лежащий поодаль на земле, следил за ними по непонятным причинам.

– Флэй, – обратился к тому Йонна. – Ты сказал, что он стрелял в тебя?

– Верно, – подтвердил Флэй. – Но огнестрела и след простыл. Сгинул, должно быть, в реке.

Йонна какое-то время смотрел на противоположный берег и аккуратно взвешивал свои дальнейшие действия. Он выбирал между благоразумной и, вероятно, крайне опасной затеей. Как следует все обдумав, он повернулся к друзьям и уверенно произнес:

– Давайте-ка отмоемся, насколько возможно, от этого шпиона и вернемся к лодке. Надо как следует обыскать ее.

Инквизитор

Сказать, что Николас Савиар, верный слуга Патриарха Левиафана, которого на малой родине беззлобно и с почтением называют «Старым Псом», ненавидит Латрис, – значит ошибочно упростить его отношение к этому городу. Да, ненависть, конечно, присутствовала в том клокочущем котле, который закипал внутри Старого Пса каждый раз, когда тот по долгу службы посещал Латрис. Если бы кому-нибудь пришло в голову попросить его описать ощущения, когда он вынужденно прохаживается по улочкам блудливого города, а ему по непонятной причине захотелось бы ответить откровенно, то он бы и сам начал свою исповедь именно с ненависти. Но после на сцену незамедлительно вышел бы стыд. Стыд настолько многогранный, что ненависти пришлось бы отступить на второй план за неимением таких многочисленных и пестрых оттенков. Николас стыдился себя, ведь гнев – это смертный грех. Стыдился за неисчислимые армии проституток, воров, лжецов, дикарей, торгашей и убийц – словом, за тех, кто сам не стыдился себя. Наконец, он стыдился за свой родной город, Левиафан, ведь именно его владыки были ответственны за основание этого места и его последующий упадок.

Николас ненавидел Латрис и стыдился его.

Но в душе Старого Пса таилось также нечто такое, в чем он сам с трудом себе признавался. Закаленный боями, постами и всевозможными лишениями Николас испытывал страх. Нет, он не боялся местных воротил преступного мира и того, что они могли – и уже пытались – с ним сделать. Не боялся быть отравленным трактирным поваренком, не бросал тревожных взглядов на особенно темные закоулки и уж точно не трясся при виде богомерзких ритуалов оседлых дикарей, когда-то на словах принявших Христа. Его страх можно было назвать праведным, ведь больше всего во всей Ойкумене он боялся поддаться этому месту. Выпивка, продажные женщины, азартные игры, кулачные бои, еще раз выпивка и еще раз продажные женщины – вот полный список того, чем интересовался простой люд Латриса от мала до велика, от рассвета и до заката. Вечно пьяные гуляки как по расписанию еженощно бродили от трактира до трактира, поглощали на своем пути все добродетели и под утро падали бесчувственными телами. Николасу даже доводилось слышать, что один местный лекарь изобрел какой-то толченый порошок, вдохнув который человек пьянел и глупел быстрее, чем от самого крепкого вина. Старый Пес искренне верил, что в Латрисе возможно и не такое.

Среди ревушей суевающейся толпы, через которую приходилось прорываться, если твой путь лежит в жилой центр города, отстраниться от этой липкой смеси чувств было практически невозможно. Николас даже поймал себя на мысли, что ему не терпится как можно скорее приступить к заданию, несмотря на то, что ему давно не доводилось так противиться отданному приказу. Николасу предстояло встретиться с закулисным королем Латриса, Ксарвасом Хбрием, и заручиться его помощью в поиске группы опаснейших людей за всю историю Ойкумены, как их окрестил Патриарх Левиафана.

Для жителей Латриса Ксарвас был человеком достаточно омерзительным, чтобы избегать его, и слишком влиятельным, чтобы решиться на это. Если ты располагал чем-то хоть сколько-нибудь ценным, Ксарвас имел от этого долю – и это являлось скорее непреложным законом, на котором основывалась его власть, нежели проявлением непомерной жадности. Стоит ли говорить, что весь Латрис был опутан сетями Ксарваса. Армия компетентных, жестоких и решительных людей обеспечивала суверена неограниченной властью вот уже долгие годы. Этим он кардинально отличался от номинального правителя Латриса, ставленника Левиафана, с которым Николасу тоже было необходимо встретиться. Неизбежность грядущей аудиенции мучила его. К поставленному правителю Латриса Старый Пес испытывал отвращение настолько нестерпимое, что отложил даже само имя этого бесполезного слизняка на неминуемое «потом».

Тем временем пробираться через толпу становилось все сложнее – верный признак того, что Николас приближался к центру города. Казалось невероятным, как только внешние стены этого муравейника не расходились по швам от нескончаемого живого потока. Николас, с годами лишенный былой ловкости, применял грубую силу, бесцеремонно расталкивая локтями гомонящий народ.

Наконец впереди забрезжил просвет – бесконечная внешняя базарная улица, огибавшая кольцом центральный лабиринт жилых переулков, отпустила Старого Пса. Его взгляд тут же зацепился за пятерых людей возле прохода в одну из подворотен. Едва отличимые от всех остальных, они выделялись хотя бы тем, что были единственными, кто стоял неподвижно, будто выжидая кого-то.

Отчасти так оно и было. Все без исключения, кто проходил мимо неподвижных фигур, замедляли шаг, прежде чем отправиться к сердцу Латриса по своим делам. Николас знал, для чего это необходимо. Пятерка заглядывала в лицо каждому прохожему и высматривала должников, потенциальных должников и просто подозрительных личностей. Похожие стайки стервятников Ксарваса ежедневно стояли на всех подступах к центру – первый рубеж личной безопасности короля. И это были отнюдь не рядовые дозорные. Обычно в такую группу входил как минимум один человек, занимавшийся преимущественно нищими, один сборщик торговых «налогов» и, конечно, спец по торговле людьми – и каждый из них обязательно обладал хорошей памятью на своих подопечных. Индивидуальные таланты каждого отдельного слуги Ксарваса умело соединялись им воедино, благодаря чему уродливый организм под названием «Латрис» функционировал более отлаженно, чем все остальные города Ойкумены.

Николас понимал, что его узнают тотчас же, ведь Ксарвас Хорий ожидал гостя из Левиафана. Он мог бы поступить как все остальные и просто посмотреть в лицо одному из пятерки, после чего направиться к следующему препятствию, но ему не хотелось преждевременно давать этим людям понять, что ему известны многие тонкости их работы. Пусть они до конца думают, что умнее очередного святоши, который наверняка пришел к хозяину, чтобы поныть о праведном пути и должном управлении городом. Самоуверенность, в конце концов, ослепляет людей. Порешив на этом, Старый Пес подошел к ближайшему из пятерки и заглянул в его отталкивающее, изборожденное рытвинами лицо с маленькими слезящимися глазками.

– Николас Савиар. Меня ждет твой король.

Как и ожидалось, дозорный самодовольно ухмыльнулся и сделал знак головой ко входу в переулок.

Нутро жилого квартала напоминало нерукотворный лабиринт, заселить его люди могли не иначе как по ошибке или от безысходности – настолько центральные улочки выглядели непригодными к совместному проживанию. Дома стояли так близко друг к другу, что в некоторых местах разминуться могло не более трех-четырех человек. Бросив взгляд вверх, можно было заметить, что верхние этажи большинства ночлежек сходились еще плотнее, чем у основания, будто гротескные жилища сказочных великанов, которым чужды простейшие основы геометрии и самое маломальское чувство вкуса. Постоянные обитатели внешней торговой улицы поговаривали, будто Ксарвас специально не препятствует такому пожароопасному строительству, потому что по тесным улочкам мимо его вездесущего взора ничего особо ценного не протащишь – что казалось бы абсурдным анекдотом, если бы так много людей не верило в запредельные возможности своего короля.

Следующей остановки долго ждать не пришлось, и на этот раз Николас был неприятно удивлен слишком неожиданным появлением людей Ксарваса. Неотличимые от проходящих мимо зевак, они вдруг стали заметнее солнца на чистом небе. Николас остановился и позволил себя окружить.

– Николас Савиар, – донесся откуда-то сзади густой бас, на который Старый Пес медленно и с достоинством оглянулся. – Прошу прощения за внезапность, но я вынужден вас задержать.

Позади Николаса стоял коренастый крепко сложенный мужчина, с головы до пят покрытый черной как смола растительностью, которая не залезала лишь на многочисленные шрамы на лице хозяина, – типичный солдат теневого короля. По его виду нетрудно было догадаться, что большую часть своей жизни он занимался тем, что делал жизнь людей вокруг него невыносимой. Тем не менее его нетипично-чистый выговор несколько сбивал с толку, заставлял ожидать от него чего угодно, но не злых намерений.

– Неловко вот так останавливать вас на полпути к цели, – быстро и без тени насмешки продолжил мужчина. – Но, боюсь, вы, господин, невольно заплутали.

Николас ожидал очередной проверки, может быть даже обыска, из-за чего дружелюбный тон этого выдавшего вида рубаки на мгновение заставил его растерянно оглянуться по сторонам. Он тут же понял, что действительно мог заблудиться и даже не заметить этого. До сих пор ему казалось, что он движется к центру, – но все эти бесконечные кривые закоулки в самом деле могли сбить его с пути.

Несколько людей Ксарваса хищно загоготали, восприняв речь капитана – в том, что коренастый мужчина был их капитаном, Николас не сомневался – как весьма остроумную в данных обстоятельствах шутку. Волосатый «дипломат» лишь спокойно окинул взглядом немногочисленных весельчаков, и те моментально затихли и потупили взгляд.

– Я так понимаю, уважаемый, что вам известно, куда я направляюсь, – таким же дружелюбным тоном отозвался Николас. – И вы, конечно же, хотите предложить мне ваши услуги по сопровождению до одного места?

Капитан осклабился от уха до уха, не постеснявшись вида своих редких бурых зубов, скрестил руки на груди и медленно кивнул.

– Верно, милсдарь, все верно говорите! Ох, – опомнился вдруг он. – И вновь испрашиваю прощения, я ведь так и не представился. Меня зовут Гэрстон. Проследуйте за мной, будьте добры.

Низкорослый волосач развернулся на пятках, сделал знак своим людям, и те молча растворились в завихрениях переулков, будто уставшие от скучного зрелища зеваки. Николас, рассудив, что другого выхода у него нет, молча последовал за необычным человеком в очередную петлю лабиринта. Гэрстон сразу же начал заводить один пустой разговор за другим, при этом учтиво не затрагивая цель визита доверенного лица Патриарха. Обсуждение несносно жаркой погоды быстро себя исчерпало, и старые вояки перешли на тему внешней политики. Когда Гэрстон, терпеливо выслушав собеседника, в очередной раз с заметным удовольствием перешел к собственным комментариям, Николас отметил, что внешность капитана создавала неверное впечатление о нем только лишь отчасти – за четким выговором и сдержанным поведением проглядывала жесткость, которую некий строгий учитель методично и безжалостно замуровал в подпол разума этого человека.

Постоянная настороженность Николаса неожиданно уступила место беспечному участию – он начал даже перебивать Гэрстона в особо горячих точках обсуждения, чего с ним почти никогда не случалось. Будучи всю сознательную жизнь сухим и строгим к себе человеком, Николас, став правой рукой Патриарха, отнюдь не улучшил свой навык праздной беседы, и этот факт выставлял словесное мастерство Гэрстона в еще более выгодном для последнего свете.

Когда почетный гость Латриса на мгновение пришел в себя, он уже достиг цели. Догадаться об этом было несложно – узкий закоулок вдруг резко оборвался, жилые дома перестали слипаться над головой и перед Николасом возникла пустынная площадь, посреди которой располагалось самое нелепое здание, которое Старому Псу доводилось видеть.

– А вот и знаменитая поляна господина Хория! – с нескрываемым оттенком гордости продекларировал Гарстон.

Резиденция Ксарваса Хория имела форму пирамиды, верхушка ее лишь слегка возвышалась над ночлежками вокруг площади. Покрытая белым мрамором, постройка напоминала клык огромного зверя, притаившегося под ничего не подозревающим городом. Окна напрочь отсутствовали – по крайней мере, с тех двух сторон, которые были видны Николасу и Гарстону. Николас небезосновательно предположил, что пирамида со стороны выглядит как монолит, и даже вход в нее скрыт от постороннего глаза – когда он подошел еще ближе, то убедился в своем предположении.

Гарстон остановился в двух шагах у основания пирамиды и сложил руки за спиной в ожидании.

– Нам сейчас откроют, – важно кивнул капитан, поймав нетерпеливый взгляд своего спутника.

Николас с неудовольствием отметил, что Гарстону была свойственна чрезмерная тяга к эффектным трюкам и дешевым зрелищам, когда возбуждение последнего в разы усилилось при виде отодвигавшейся вбок плиты, будто капитан ни разу не бывал в доме собственного хозяина. Сделав этот вывод, Николас охладел к ненавязчивой харизме Гарстона так же быстро, как совсем недавно проникся к его ораторскому навыку, и, проследовав за капитаном под прохладный свод пирамиды, вновь вернулся к более знакомому для себя состоянию ненависти, стыда и страха.

Внутренний коридор был абсолютно пуст, как и подступ к самой пирамиде. Слишком навязчиво разило парафином – стены коридора по всей длине были завешаны канделябрами с горящими свечами. Никаких ответвлений по бокам Николас не обнаружил, хотя он не сомневался, что пирамида полнилась ходами, скрытыми от глаз гостей, а может быть, даже и охраны. Впереди показалась вырезанная все из того же мрамора лестница, по которой пара и устремилась вверх. Когда Гарстон распахнул перед Николасом дверь, венчавшую конец подъема, Старому Псу вновь пришла пора удивляться – из дверного проема изливался яркий дневной свет, будто пирамида на самом деле не имела крыши. Сощурившись, Николас вошел в покои Ксарваса Хория.

Король Латриса всегда принимал своих гостей стоя, и этот раз не стал исключением. Наготове у него была неизменная вежливая улыбка, которую он натянул на лицо в тот же момент, когда глаза гостей более-менее привыкли к резкому свету – но ни мгновением раньше. Когда Николас вновь обрел способность воспринимать окружающий мир, прежде всего он увидел именно эту улыбку.

– Господин Савиар! – воздух пронзил резкий каркающий голос. – Мое почтение вам и славному городу Левиафану.

Внешность Ксарваса Хория не менялась уже два десятка лет. Однажды, на пике молодости, он безвозвратно постарел, и с тех пор его тело перестало отзываться на императив времени. Голова была свободна от волос из-за сильных ожогов, происхождение которых Николасу довелось увидеть лично. Хитрые глаза все так же скрывались за узкими морщинистыми щелками, по скрытности соперничавшими разве что с тончайшей линией губ.

– Здравствуй, Ксарвас, – устало выдохнул Старый Пес. – Оставь своих «господинов», будь так добр. Не делай эту встречу еще более невыносимой для нас обоих.

Стоявший за спиной Николаса Гарстон выпучил глаза от такого неожиданного панибратства и вопросительно взглянул на своего короля. Ксарвас поймал его взгляд и лишь улыбнулся слуге в ответ.

– Будь по-твоему, старый ты пес, – почти дружелюбно прохрипел хозяин пирамиды. – Присаживайся ко мне поближе.

Николас, явно не желая тратить ни секунды, сел в предложенное ему кресло.

Ксарвас Хорий никуда не торопился и изучал старого знакомого взглядом, делая вид, что угадывает цель его визита, хотя ему было прекрасно о ней известно. Когда он понял, что Николас сам вот-вот задаст нужный вопрос, то незамедлительно перебил его.

– Пришел за Крысами, Николас?

– Именно.

– Ничем не могу помочь.

Комнату поглотила звенящая тишина, в которой слышалось только неспешное постукивание костлявых пальцев Ксарваса. Николас немигающим взглядом впился в человека напротив и, казалось, выжидал чего-то – можно было вполне справедливо заподозрить, что зубы церковника вот-вот начнут скрежетать самостоятельно, без ведома своего хозяина. Ксарвас же явно не собирался вносить какую-либо ясность. Суровый взгляд оппонента он выдерживал без каких-либо затруднений.

– Объясни, – лед в голосе Николаса выдавал его плохо скрываемую ярость с головой.

Приводить какие-либо объяснения не входило в список привычек короля Латриса, поэтому их неизбежность заставила его причмокнуть от досады и резко выдохнуть на манер недовольной лошади.

– А что тут объяснять, дорогой мой Николас? Никого из них в Латрисе нет, это я тебе могу сказать наверняка. Когда были тут последний раз, намеревались сложить свои головы на Границе, – Ксарвас позволил себе угловатую ухмылку. – Чем успешно и занимаются. По моим источникам, пятеро достигли цели, так что в живых остались лишь четверо, хотя и это не точно. Вот и вся история.

– Ты не можешь, просто не можешь не знать чего-то более стоящего, – голос Николаса слегка выровнялся, но все еще плохо выполнял свою дипломатическую роль.

– Приму за комплимент, Николас. Хотя и незаслуженно, конкретно в этом случае. Ребятки растворились в степях Ауралосо, а там у меня, несмотря на мою дружбу с нашими диковатыми соседями, ушей нет. Ну чего ты от меня еще хочешь? – с недовольством, которое показалось Николасу наигранным, подвел итог Ксарвас.

Старый Пес поднялся с кресла и, бросив очередной испытующий взгляд на короля блудного города, направился было к выходу, но Ксарвас остановил его жестом руки.

– Позволь моему незаменимому Гарстону проводить тебя до светлейшего правителя Латриса. Ты ведь наверняка направляешься к нему? Это правильно, – снова угловатая ухмылка. – Сам я еще не удостоился аудиенции по твоему, Николас, вопросу. Да мне и, признаться, неинтересно это дело. А с Гарстоном тебе будет веселее. Он про Крыс знает столько баек, про их былые дела, что закачаешься!

Николас лишь молча проследовал к выходу, даже не взглянув в сторону Гарстона. Спускаясь по винтовой лестнице вниз, Старый Пес услышал, как Ксарвас Хорий сетовал вслух на то, что гость даже не поинтересовался, откуда в комнате без окон столько дневного света.

– А ведь там такая сложная система зеркал! – доносился притворно-оскорбленный голос. – Даже не поинтересовался, даже не спросил...

* * *

Гарстон, мягко говоря, чувствовал себя неуверенно рядом с ледяной глыбой по имени Николас Савиар. Вымуштрованные манеры, которые совсем не шли прожженному солдату преступного мира, заставляли его испытывать тяжелейшее смущение перед осаженным гостем. Старый Пес, в свою очередь, понимал неудобное положение спутника, но не стремился облегчать его положение. Мысли Николаса были полностью обращены к тому, что ему предстояло сделать. Он допускал, что Ксарвас откажется помогать ему конвенциональными методами – и, судя по его намеку на посещение «настоящего» правителя города, дела так и обстояли.

«Пусть так, – думал Старый Пес. – Играй в свои игры, Ксарвас. Можешь играть сколько хочешь, можешь притворяться, что у тебя есть выбор. Сохраняй лицо. Делай все это – но помогай мне. Иначе... Да простит меня Господь».

Тем временем Гарстон достиг предела терпения и решил, что лучше говорить о чем угодно, лишь бы не корчиться в молчаливой тени «дорогого гостя».

– Уверен, наш светлый правитель, да будет на него милость Божья, обязательно поможет вам, господин Савиар! – без запинки выговорил капитан и бросил короткий взгляд на Николаса со слабой надеждой увидеть участие в его глазах. Каково же было его удивление, когда вместо ожидаемого гнева, или, еще хуже – безразличия, Гарстон увидел сначала глубокую задумчивость, а затем – живой интерес.

– Я тоже так думаю, капитан. А пока мы в пути, расскажите мне о Крысах все, что лично вам кажется важным. Не бойтесь утомить меня подробностями.

Капитан с радостью переключился на тему, содержание которой ему было известно досконально:

– Кх-м... Да, Крысы, значит. Сразу предупреждаю, господин Савиар, – вам может показаться, что я ребятам симпатизирую. Это потому, что так оно и есть. Занесло их по глупости с этой Границей – отрицать не стану. Но в остальном они нашему городу сослужили добрую службу, о которой почти никому не известно. А теперь, по порядку. И честно.

Как сказал мой господин, раньше их насчитывалось девять голов. Все как на подбор – молодые бойцы с мутным прошлым. Несли службу у границ Латриса, куда их свои родные города по старой договоренности и направляли. Как все началось, чья инициатива – сейчас уже сказать сложно, слишком уж много про них всяческих слухов и баек ходит. Они в этих сказках даже помирают, чтобы затем воскреснуть. Наверняка знаю одно, по свидетельствам: ребята часто собирались во время совместных учений на землях дикарей, пока не пришло им в голову дезертировать. Все произошло будто в одно мгновение, хотя так, конечно, в подобных вещах не бывает. Р-раз – и вот уже все девять начинают попадаться на глаза господину Хорию. Да вот только занимались они не тем, чем можно было подумать – купцов крышевать не пытались, заведения с девками не трогали, солдатиков моих не грабили. С ними все сразу было непросто. Повадились они дикарей по всей округе вырезать в таких масштабах, что в Латрисе очень быстро стало беспокойно. Вы-то знаете, как мы к нашим узколобым собратьям относимся – с пониманием и надеждой на совместное будущее, как Спасители нам и завещали! Господин Хорий своими стараниями добился очень многого в этом вопросе, вокруг Латриса охотились лишь на тех, кто никогда в разговор с нормальным человеком не вступит. А Крысы особой разницы не видели, косили дикарей десятками, в том числе и полумразумных. Надо понимать, ситуация стала быстро выходить из-под контроля – на горожан участились нападения дикарей, торг с особо смышленными из диких соседей встал столбом.

Как я еще в начале отметил, рассказываю я честно. Напоминаю потому, что следует обязательно сказать, как есть: ситуацией управлял Ксарвас Хорий, не ваш нареченный правитель из Левиафана, хотя вы это и так знаете. И господин Хорий решил прибегнуть к методу грубого и жестокому. Имею право так сказать, потому что и сам мой господин не скрывает необдуманности своего поступка. Решил он с Крысами поступить бесхитростно – нож под ребро каждому, и дело с концом. Вот только не вернулись те, кто за ними охотился, как вы уже поняли. Более того – очень быстро стало ясно, что горожане их поддерживают. Им давали кров, в том числе и от агентов родных городов, что искали своих дезертиров. Кормили задарма. Продажные девки давали, что называется, за спасибо. Даже нищие доносить перестали! Признаться, никто до сих пор не знает, как у них это получилось. Может, худо было и до них, просто они это всем показали... Но тут уж мое личное мнение, я отвлекся.

Невозможно было никак их убить, вот что главное. И не только в том смысле, что не подберешься, но еще и в том, что теперь уже помирать им было попросту нельзя, люди бы не про-

стили. Настало время для диалога, и когда Ксарвас Хорий позвал Крыс на разговор, они пришли немедленно. Тогда я их впервые всех и увидел. Восемь юношей, одна девушка. Да, жизнь ключом, да, глаза – огни, но вот если бы я их поодиночке встретил, никогда бы не подумал, что столько смерти у них за плечами быть может. Так вот, договорились обе стороны на удивление быстро. Дело все в том, что в результате действий этой девятки из-под полы повылазили всякие твари вроде дикарских ганз, жадных до крови и наживы, ну и, конечно, те, кто спал и грезил о Латрисе в огне. Крысам была предложена альтернатива – пусть нож гуляет, но в груди у тех, кто расшатывает спокойствие и единство славного Латриса. Взамен ребята попросили лишь одно.

Да, добралась до их голов вся та смерть, что они сеяли. Такое ведь не проходит бесследно. Кх-м... Они попросили у Ксарваса Хория помощи в преодолении Границы. «Только и всего», – сказал один из них, уже не помню кто. Ударили по рукам, после чего Крысы незамедлительно ударили по ганзам и тем, кто еще вчера укрывал их от ненавистного правителя, а сегодня взялся за оружие. Вырезали столько народу, что все инакомыслящие быстро попрятались по щелям, затаив злобу. Так ребят и прозвали Крысами. Не знаю, нравилась ли им такая слава, но имя прижилось. А в Латрисе вновь воцарился мир. Господин Хорий сдержал слово, дал девятке все, о чем они попросили: деньги, оружие и рабочую силу для каких-то действий на Границе. Ну, а остальное вы знаете, господин Савиар. Рабочие вернулись в полном составе. Они и рассказали, что пятеро Крыс сложили головы на Границе.

– Что же получается, дорогой мой Гарстон? – с усмешкой спросил Николас после паузы рассказчика. – Что та добрая служба, которую Крысы вам сослужили, состояла в том, что они убрали собственный бардак?

– Понимаю вопрос, господин Савиар, но взгляните на ситуацию вот с какой стороны: как еще можно было так ловко избавить Латрис от недовольных, при этом сплотив тех, кто сомневался? И как мой господин, несмотря на всю его мудрость, мог бы решить проблему убийства дикарей, сделав источник проблемы ее же решением? Нет, господин Савиар, Крысы не просто убрали свой беспорядок. Они вскрыли гниющие раны Латриса, о которых никто и не собирался заботиться, и прижгли их, устранив смертельную заразу.

Николас многозначительно взглянул на распалившегося рассказчика, но сохранил молчание.

История Гарстона покрыла почти весь запланированный путь. Когда капитан замолчал, Николас обнаружил, что они почти у цели – недалеко вновь послышался несмолкаемый гул торговых рядов. Резиденция ставленника Латриса находилась на приличном искусственном возвышении на внутренней границе рыночного кольца, так что часть ее окон обзором охватывала большую территорию торговой площади. Внутри их ждал король без короны, человек, в присутствии которого в Николасе пробуждалось все самое худшее, что успел скопить за долгие годы его и без того тяжелый нрав. Благо Николас не был обязан лебезить перед Тóмасом Мáлидором, что позволяло ему не сдерживаться в своем отвращении в тех редких случаях, когда двоим приходилось встречаться один на один, как сегодня. Проводник воли Патриарха имел куда большую власть, чем формальная политическая фигура.

«Даже в обожженной морде Ксарваса больше правды», – неохотно согласился сам с собой Старый Пес.

Имение Малидора было всегда готово к гостям. Прислуга ожидала посетителей денно и ночью, в постоянной готовности запустить хорошо отлаженный механизм услужливости и гостеприимства. Как только Николас и Гарстон приблизились на достаточное расстояние, гедонистическая машина пришла в движение. Не слишком навязчиво, но при этом требовательно, местный пожилой мажордом в поношенном, но чистом костюме повел гостей за собой сквозь толпу многочисленной прислуги, мимо гостиной, в направлении крыла, по своему расположению явно не подходящего для официального приема гостей. Прежде чем у посетителей

появился шанс удивиться нетипичному приему, мажордом поспешил рассыпаться в извинениях, подкрепленных самым виноватым видом, на который только старый слуга был способен.

– Господин Малидор распорядился проводить дорогих гостей в винный погреб, где он сам изволит находиться в настоящий момент. Несмотря на мои настойчивые протесты, я был вынужден подчиниться!

– Выдохни, милейший, – отмахнулся Николас. – Веди к своему хозяину.

Получив в ответ очередной услужливый кивок, гости последовали за мажордомом вглубь крыла прислуги. Убранство вокруг резко поскромнело, воздух пропитался запахом натруженных тел, а престарелому мажордому становилось все хуже от того, что почетным гостям приходилось находиться в таком не подходящем их статусу месте. Наконец старый слуга остановился у нужной двери, вытянулся по струнке и распахнул перед Николасом и Гарстоном вход в погреб.

Снизу доносился писклявый сиплый смех хозяина дворца. Он явно был не один – невидимый собеседник распалял его и заставлял издавать эти малоприятные звуки. Николас и Гарстон стали спускаться вниз по лестнице, поврежденные вековой сыростью ступени закрипели – собеседники затихли в ожидании гостей. Внизу царил полумрак, слегка потревоженный искусственным светом масляной лампы, и приятный запах дубовых бочек. Несколько из них были откупорены, и аромат содержимого витал в помещении, разбавляя тяжелый холодный воздух.

На середине лестницы новоприбывшие смогли разглядеть двух людей, сидевших за совсем никудышным столиком, на котором едва помещались графин с вином, лампа и два полных кубка. Лицом к лестнице сидел хозяин владения, Томас Малидор, – точнее сказать, он балансировал на слишком маленьком для своей комплекции табурете. Его собеседник сидел спиной ко входу, демонстративно не поворачивая головы, и, судя по всему, даже не старался вести себя вежливо. Когда Томас встретился глазами с Николасом, ухмылка невольно покинула его багровое от вина и недавнего смеха лицо, и он с виноватым видом отвел глаза. Николас не придавал значения этому типичному для ставленника Левиафана жесту, приняв его за естественную реакцию на свою персону; и тут вдруг Гарстон, который шел впереди Старого Пса, остановился как вкопанный. Он смотрел на спину того самого загадочного «второго» и не говорил ни слова. Николас прищурил глаза и обнаружил, что человек напротив Томаса обладает очень примечательным обожженным скальпом. За столом сидели оба короля Латриса.

– Выпьешь с нами, Николас? – повернулся, наконец, Ксарвас. – Не помню точно, но, вроде, сейчас никто не постится.

Николас продолжил спуск и ступил на земляной пол, оставив неподвижного Гарстона за спиной.

– Извини, что с тобой не пошел. Совершенно неожиданно захотелось вина после твоего ухода, а если хочется вина хорошего, то это – к Томасу. Вот я и... По своим тропам, так сказать.

Николас молча поравнялся со столом.

– Что скажешь, Томас? Какого вина лучше предложить гостю? – Ксарвас бросил смешливый взгляд на Старого Пса – и тут же осекся. Безучастный Томас тоже что-то почувствовал и осмелился-таки поднять глаза на своего ненавистного земляка, о чем быстро пожалел.

Николас Савиар, правая рука Патриарха Левиафана, улыбался от уха до уха. Более неестественного, неправильного зрелища вынести не мог никто из присутствовавших, кроме разве что Гарстона, которому посчастливилось остаться за спиной «дорогостоящего гостя». Но и его везение продлилось недолго, потому что, к всеобщему ужасу, Николас вдруг стал издавать звуки, отдаленно напоминавшие смех. Он прикрыл дрожащие губы рукой, но его глаза продолжали смеяться, а через стиснутые зубы с настойчивостью вырывался воздух. Это продолжалось всего несколько считанных мгновений, но этого хватило, чтобы сцена достигла точки максимального напряжения. Ксарвас Хорий невольно подумал об охотничьем ноже, припрятанном за голенищем сапога, и заодно бросил взгляд на Гарстона: тот уже держался за что-

то на своем поясе. Томас Малидор, который изначально не был в восторге от этой встречи, теперь же откровенно трясся и обильно потел.

Николас успокоился и вздохнул. Улыбка покинула его лицо, возвратив все в привычное русло, по крайней мере – внешне. Он продолжал улыбаться про себя, ведь только что он смеялся хорошо, искренне – пусть и пытался это скрыть в силу привычки. К нему пришла ясность, абсолютное понимание происходящего. Нет, он, конечно, не разгадал игры Ксарваса – хотя тот, скорее всего, действительно не знал ничего стоящего, а просто водил Старого Пса за нос. Николас понял, а вернее будет сказать – вспомнил, что его задание не могло провалиться. И это не императив – это факт, заложенный в самую суть его миссии. У Ксарваса не было выбора. У Крыс не было выбора. Так решил Патриарх Левиафана.

– Спасибо, Ксарвас, – голос Николаса звучал весело и уверенно, будто он больше не находился в Латрисе. – Ты упростил мою задачу. Во-первых, ты избавил меня от муки общения с этой потеющей свиньей, – кивок в направлении Томаса. – Во-вторых... А во-вторых, даже и не знаю, с чего начать.

Николас сложил руки за спиной и медленным шагом направился к одной из откупоренных бочек.

– Да, сегодня, безусловно, исторический день, – после короткой паузы заключил он. – Позволь объяснить. Ты ведь наверняка в подробностях помнишь те далекие дни погромов, которые оставили на тебе эти шрамы?

Ксарвас в ответ лишь молча смотрел на Николаса.

– Конечно, помнишь. Это был риторический вопрос, для контекста. На самом деле, я хочу, чтобы ты сказал мне – что в итоге сделал Левиафан, когда нам вместе удалось задушить восстание дикарей?

Король Латриса хранил молчание и угрюмо сверлил взглядом своего давнего знакомого и – когда-то – боевого товарища.

– Ответ вот в чем, – ничуть не смутившись, продолжал Николас. – Левиафан сделал тебя королем. И закрыл глаза на все, что ты делал в дальнейшем, – лишь бы город устоял. После такого компромисса пути назад уже не осталось. Ведь что случилось потом? Ты узаконил грех, Ксарвас. Ты превратил город, которому суждено было стать местом избавления от врожденного невежества, в собственный кукольный театр. И что сделал Левиафан, когда стало ясно, что ты – главная беда Латриса, а не дикари? Его глаза остались закрыты. Ты искоренил малый, хаотичный грех, а на его месте воздвигнул настоящее царство греха систематического – и нас это устраивало, ведь Латрис действительно примирял дикарей и людей, пусть и такой ценой. Я все понимал. Ненавидел, молчал, но понимал. Так вот, Ксарвас. Знаешь, почему сегодня – исторический день? Есть идеи? Нет? Неудивительно, ты ведь к такому не привык... Я, признаться, тоже. Сегодня исторический день, потому что Левиафан открыл глаза. И эти глаза смотрят прямо на тебя, Ксарвас! Я пришел к тебе за четырьмя преступниками, и ты, конечно, решил, что это очередной спектакль. Очередная придурь Патриарха, который беспокоится только о том, как вещи выглядят, а не чем они являются. Нет. На нас смотрит Бог, Ксарвас. Прямо сейчас он направляет руку Патриарха, а Патриарх – мою руку. И в этой руке – меч.

С этими словами Николас встал за спиной фальшивого короля и положил холодную костлявую ладонь на его пухлое, влажное от пота плечо. Томас издал глухой стон.

– Ты поможешь нам, Ксарвас. Это факт. Пропусти его через себя. Пусть он осядет непреложной истиной в твоей голове. Мы вместе, ты и я, прямо как в старые добрые времена, отложим этих Крыс. Иначе, в случае твоего крайне маловероятного отказа, на следующий же день политика закончится. Мы просто сотрем твой кукольный театр в порошок. Сюда придет войско, у которого будет один приказ: «Латрис должен быть разрушен». Твой дом будет предан огню, и даже если ты сбежишь, у тебя останется лишь один путь – маршировать напрямик

через Границу. Мы придем – и я буду в первых рядах – исправлять ошибки своего родного дома. И можешь не сомневаться, Томас, обязательно загляну к тебе на твое прекрасное вино!

Звонящая тишина прерывалась частым биением одного нездорового сердца и капающей с потолка воды.

– Сейчас я поднимусь наверх, сниму комнату в наименее отвратительном трактире и напишу Патриарху, что мне удалось достигнуть понимания с Ксарвасом Хорием. Найди меня завтра с утра, Ксарвас, и мы с тобой обсудим наши дальнейшие действия.

Николас молниеносно развернулся, как когда-то в молодости на строевой, и бодрым шагом начал восхождение по скрипучей лестнице, слегка поклонившись в знак прощания. Когда он проходил мимо неподвижной статуи по имени Гарстон, его окликнул поникший голос теневого короля.

– Ребятки, похоже, нашли что-то интересное, а, Николас? Там, на Границе. Обменяли на это пятерых друзей. Как думаешь, стоило того?

Николас Савиар дослушал вопрос до конца и, не поворачивая головы, молча исчез за дверным проемом.

Смерть семьи

Для большинства жителей Акроса утро в теплое время года начинается куда позднее, чем в других городах. Когда в набожном Левиафане и трудолюбивом Домоаре с первыми лучами солнца уже вовсю спуют уличные обитатели, в Акросе не спят лишь стражи и не привыкшие к местным порядкам гости города. Простой народ в это время еще отсыпается после очередной веселой ночи.

Нельзя, конечно, сказать, что этому месту незнакома набожность и суета. Когда лето в Ойкумене постепенно начинает сменяться зимой, все становится куда привычнее для гостей Акроса – религиозные обряды не длятся всю ночь и не заканчиваются попойками и оргиями, а улицы с раннего утра полны прозорливыми торговцами, просящими подающие беднякам и вездесущей босоногой ребятней.

Однако в Акросе есть и те, кто управляют городом, и для этих людей нет лета и зимы, как нет и разницы в обрядах. Чиновники всех мастей от самого начала существования Акроса признавались выше традиции – и одновременно необходимо предполагались ею. Те, кто направляет жизнь людей, намерено отдаляются от грубого быта и примитивных развлечений простого народа, чтобы целиком посвятить себя благому делу пастыря, денно и нощно измышляющему лучшие пути жизни для своих подопечных.

Не стоит и говорить, что этим ранним теплым утром верные слуги народа уже находились на постах, или, по крайней мере, спешили на службу. Одним из тех немногих, кто еще не успел приступить к обязанностям, был молодой помощник главного казначея по имени Иэн – он неторопливо направлялся к своему дому в той части города, которую не затрагивают летние ночные столпотворения и не беспокоят нищие. Молодой чиновник наслаждался свежим утренним воздухом, пока еще не раскаленным дневным солнцем, и благодарил судьбу за легкое похмелье. От него буквально разило примитивными развлечениями простого народа, и следы их надлежало свести к минимуму, прежде чем он покажется в казначействе.

Спешить и, тем более, беспокоиться о чем-либо было не обязательно – как и большинству чиновников с той же фамилией, сильно трудиться ради должности Иэну не пришлось. Как любил повторять сам Иэн, родиться членом самой влиятельной семьи во всем Акросе стало самым удачным его решением. Тем не менее некое чувство меры все же было ему знакомо, и он не сильно злоупотреблял своим положением. Более того, Иэн никогда не прикрывался высоким статусом и старался до последнего сохранять инкогнито всякий раз, когда приходило время отправляться на ночные гуляния. Поэтому он обязательно приведет себя в порядок и явится на службу в положенный час, как и подобает всякому чиновнику.

Путь Иэна пролегал вдоль городской стены, где скоро с новой силой закипит жизнь – на всем протяжении высокого каменного сооружения днем совершаются ритуальные обходы, что привлекает множество торгашей и тех путешественников, которых не отпугнули ночные гуляния. Их место собрания не случайно, ведь стены играют важную роль в жизни не только Акроса, но и остальных городов. Любой человек, покинувший родной дом, подвергает свою жизнь опасности – дикие племена, неспособные вершить что-то, кроме насилия, бродят по всей Ойкумене, и только прочный камень отделяет оазисы закона от животной ярости дикарей.

Праздные размышления Иэна перешли от дикарей к цивилизации – история Ойкумены прочно сидела в его памяти, некогда вбитая туда непосильными трудами лучших учителей мира, и вот, спустя годы зубрежки, чиновник взял в привычку размышлять о религии и сотворении мира – что еще оставалось делать одному из самых беззаботных людей Акроса? Философия захватывала его воображение. Взять, к примеру, Церковь Левиафана. Христиане учат, что некие Спасители являются родоначальниками Ойкумены. Столетия назад они спасли от страш-

ного божьего суда самых достойных своих последователей, и они же, якобы, воздвигли Границу, что отделяет мир живых от мира мертвых. Но если послушать проповедников Акроса, Домоара или Латриса – голова начинала идти кругом от всех толков, богов и полубогов. Во всей этой религиозной каше лишь одно являлось общим – вера в неких создателей, подаривших людям жизнь, общий язык и тайные знания различных ремесел. Чиновник позволял себе верить только в то, на чем сходились все без исключения.

В очередной раз Иэн поймал себя на мысли, что он использовал свое привилегированное положение для познания мира. Эта мысль невероятно льстила ему. Другие на его месте могли бы распорядиться выпавшей возможностью не столь благородно – но не он. Иэн понимал, что в его видении вещей слишком много тщеславия и самодовольства, но не мог думать как-то иначе.

«Почему бы и нет, – размышлял он всякий раз, когда чувствовал себя виновным во взгляде свысока. – Благородное дело – в благородном поступке. Какая разница, что я при этом себе думаю?»

Так, в очередной раз успокаивая проснувшуюся крайне некстати совесть, Иэн подошел к границе жилых улиц, где бдительная стража стерегла путь в роскошную часть города. От их вида молодой чиновник невольно занервничал и вновь вспомнил о некоем важном деле, которое хотел с ним обсудить главный казначей.

При виде Иэна не знакомые с ним лично караульные предупредительно взяли за рукояти фальчионов – узнать члена богатой семьи без традиционной для его должности кожаной тоги было невозможно, тем более что встречный был одет под стать празднующим, да и пах соответствующе. Ко всему прочему, какой чиновник мог позволить себе недельную щетину и растрепанные волосы с примечательной вмятиной от неуклюжего сна? В общем, пройти дальше Иэн мог лишь после подробных разъяснений.

– Господа! Вижу, долг свой вы исполняете с куда большим рвением, чем многие из нас, – нарочито торжественно начал разговор Иэн, сопроводив речь отточенным кивком и улыбкой. – Меня зовут Иэн Акросиас, и в этой части города меня задержали важные государственные дела...

Одного имени оказалось достаточно, чтобы и без того бдительная охрана вытянулась по струнке до предела.

– Прошу простить, господин Акросиас, – сбивчиво затараторил тот, что стоял справа от чиновника. – Не узнали вас!

– Еще бы вы узнали в этом оборванце слугу народа, – махнул рукой Иэн, в очередной раз окинув взглядом свою драную льняную рубашу, заляпанную вином и иными пятнами подозрительного происхождения. – Куда только не заведут дела нашего великого города, верно?

Стража охотно закивала, натянув на лица вежливые улыбки.

– Я буду чрезвычайно вам признателен, господа, если вы и дальше будете с таким усердием охранять наш покой, – Иэн пошарил рукой в кармане укороченных грязных штанов, достал оттуда две первые попавшиеся золотые монеты и по очереди протянул их левому и правому стражу. Те возбужденно закивали с новой силой.

Высокие стальные ворота поспешно распахнулись. Иэн не успел сделать и десятка шагов, как ощутил острую тоску по нищим кварталам. Улицы в богатой части города тщательно охранялись от простолюдинов и никогда не были переполнены веселой толпой, распевавшей религиозные песни своих предков. Здесь нельзя было встретить фокусников с их волшебной труппой или услышать тоскливую мелодию шарманщика с потасканной музыкальной шкатулкой. Жизнь здесь именно что протекала – размеренно и не спеша.

Развлекались зажиточные соседи Иэна, как им казалось, чрезвычайно весело и достойно. В перерывах между бесконечными посиделками на верандах друг друга они собирались на форум дебатов, которые проходили каждую субботу в местном ботаническом саду. На этом

помпезном сборище самые болтливые упражнялись в риторике, а самые ленивые делали вид, будто понимают обе стороны, и выступали, подобно неким божественным сущностям, судьями всех мнений и толков.

От одного вида этих собраний Иэну хотелось оставить позади статус и богатство и переселиться в Латрис, лишь бы не становиться регулярным свидетелем местных «развлечений». Он считал подобное времяпрепровождение вредным для дела чиновников, ведь они, регулярно погружаясь в пустые словесные прения, настолько отвлекались от реальной жизни, что, казалось, каждый из них вот-вот вознесется к небесам. Конечно, это предполагается традицией – отличаться от народа, которым ты управляешь. Но неужели это единственный способ?

Размышления Иэна прервались на подходе к своему имению – на пороге родного дома виднелась крайне примечательная фигура его дяди и начальника в одном лице. Будучи мужчиной сутулым и хромым на одну ногу, Элай Акросиас уже одними этими данными невыгодно выделялся на фоне аристократии, стремящейся к идеалу во всем. Но лишь самозабвенные глупцы сбрасывали казначея со счетов после первого взгляда – те, кто по незнанию переходил ему дорогу, совершали политическое самоубийство.

Подобно диковинному часовому Элай высматривал своего молодого помощника. Наконец его большие вечно уставшие глаза наткнулись на Иэна, который уже успел заподозрить неладное в столь неожиданном визите. Когда молодой человек поравнялся с наставником, тот приветливо улыбнулся.

– Почему-то я догадывался, что увижу тебя именно с этой стороны двери, – по-отцовски доброжелательно начал Элай, бегло осмотрев лохмотья, в которые был облачен Иэн. – Хотя одна из твоих служанок довольно искусно заверяла меня, что ты вот-вот будешь готов.

Сообразив, что причина неожиданной встречи никак не связана с его ночными похождениями, Иэн искренне улыбнулся в ответ.

– В чем-то она была права.

Элай Акросиас одобрительно хмыкнул, после чего улыбка тут же слетела с его лица, будто ей там никогда не было места.

– Мне нужно, чтобы ты привел себя в порядок как можно быстрее, – перешел он к делу. – То собрание, о котором я говорил тебе вчера...

– Я помню, конечно, – поспешно закивал в ответ Иэн.

– Так вот, дела обстоят хуже, чем я думал, – Элай отступил вбок и указал рукой на входную дверь, давая понять, что поторопиться действительно стоит.

Иэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Подобно чану с ледяной водой после парной, резкий контраст между ночными развлечениями и неожиданными проблемами сложно было не ощутить. Чиновник коротко кивнул своему дяде и отворил входную дверь.

Внутри дома царилась гробовая тишина – все слуги попрятались по углам и молились о скорейшем возвращении непутевого хозяина, перепуганные неожиданным визитом главы семьи. Услышав шум у входной двери, из-за угла коридора, ведущего к комнатам прислуги, осторожно выглянула молодая служанка, имени которой Иэн не помнил. Неуклюжим жестом – в силу отсутствия аристократических привычек – молодой чиновник позвал ее к себе.

– Господин Иэн, с возвращением! – прошептала девушка, покинув, наконец, свое укрытие. – За кем мне послать?

На мгновение Иэн задумался. Действительно, на что у него есть время? Даже ванну толком не принять – Элай Акросиас не пожелал зайти внутрь, а значит, долго ждать он не намерен.

– Мне нужно ведро воды, мыло и чистая одежда. Воду не греть, у меня мало времени.

Подобная просьба больше подходила завсегдатаю грязного трактира, нежели члену влиятельнейшей семьи Акроса, что вызвало у служанки бурю негодования.

– Но господин Иэн! Если вы подождете буквально несколько минут...

– Хорошо, – неожиданно согласился чиновник. – Я подожду, если вы лично сообщите об этом моему дяде.

Фраза произвела ожидаемый результат – на смену наигранному ужасу служанки пришел ужас самый настоящий. Девушка побледнела до такой степени, что Иэну даже стало неловко за свою шутку.

– Г-господин Иэн... – только и смогла выдать служанка.

– В таком случае – ведро воды, мыло, чистая одежда, – отчеканил хозяин и направился напрямик в ванную комнату, расположенную на втором этаже просторного имения. Безымянная служанка в тот же момент сорвалась с места выполнять поручение.

Не теряя ни минуты, Иэн привел себя в порядок в рекордный срок – никогда еще ему не приходилось так спешить. Кое-как обмотавшись ненавистой кожаной тогой и нацепив сандалии, он вышел к дяде, который за все это время, казалось, не сдвинулся ни на сантиметр.

– Вот и славно! Жаль только побрить тебя не успеем, – просиял казначей и, не дожидаясь племянника, быстро зашагал вниз по ступенькам крыльца. – А хотя и черт бы с этим.

Как только Иэн поравнялся с Элаем, тот вновь посерьезнел и пустился в разъяснения.

– До сегодняшнего дня не было никакой срочности. Будь моя воля, я бы даже позволил тебе проспать после веселой ночи. Но этим утром ситуация резко изменилась. Вчера в город поступило срочное донесение от наших послов.

Молодой помощник казначея насторожился. Казначей тем временем перешел на повышенный тон:

– Слухи подтвердились, черт бы всех побрал. Ксарвас Хорий что-то замышляет. И, кажется, замышляет он против меня, – Элай чуть сбавил шаг и взглянул вечно грустными глазами на племянника. – Он обвиняет нашу семью в связях с Элен Орос.

Сказать, что Иэн был поражен – не сказать ничего. Элен Орос, что громила преступные ганзы наравне с мирными горожанами вместе со своими друзьями, – не та персона, с которой приличная династия чиновников могла позволить себе какие-либо сношения.

Элай Акросиас терпеливо ждал неизбежных расспросов со стороны молодого чиновника, и тот не заставил себя ждать.

– Это, конечно, ложь, – не спрашивая, но утверждая, проворчал он.

– Естественно. Но, кажется, я услышал нотку сомнения?

Казначей Акроса, как и всегда, не искал обходных путей и предпочитал говорить прямо. Несмотря на то, что Иэн уважал и ценил это качество, проницательность Элая пугала его.

– Сегодня ты становишься частью общего дела семьи, Иэн. И как мой наследник ты должен понимать, с чем тебе придется столкнуться. Отнюдь не важно, правдивы ли обвинения. Другие семьи используют это как предлог, чтобы подвинуть нас. Кто знает, на что они отважатся, если свидетельства против нас будут достаточно убедительны...

Какое-то время мужчины шли молча – Элай позволял своему помощнику подготовиться к грядущему испытанию. Наконец молодой чиновник вновь заговорил:

– С чего бы королю Латриса вмешиваться в наши дела?

Элай удовлетворенно кивнул.

– Очень хороший вопрос. Если это дело рук глав других семей, то я сразу пойму. Но что-то подсказывает мне: надвигается буря. С такими обвинениями не лезут на рожон, если нечем драться. Пока я знаю лишь то, что в этом балагане замешан сам Натос Аргос. А он не вяжется в то, во что не верит.

Иэну не нужно было объяснять серьезность вмешательства Натоса. Глава гильдии воинов презирал интриги и объединялся с остальными чиновниками только в делах чести.

– Конечно, мы будем все отрицать, – покачал головой Элай. – Знать бы только, как их вообще связали с нами. Если уж кого и обвинять, так это гильдию врачей – они ведь и породили эту бесноватую Элен.

Иэн был одним из многих чиновников, знавших Элен Орос – как-то раз ему довелось выпивать с ней в одной компании. Она, будучи дочерью простолюдинов, начинала службу в армии Акроса с самых низов и благодаря недюжинному рвению довольно быстро доросла до почетного места в подразделении лекарей. Что заставило ее пойти на измену и убить несколько десятков человек – до сих пор загадка, как и ее дальнейшая судьба после побега.

– Сейчас совершенно неважно, жива она или нет, – продолжил разговор Элай, будто прочитав мысли своего племянника. – Наши соперники получили мощное оружие против нас. Насколько я могу судить, на собрании мы не увидим дружелюбных лиц.

Иэн нервно сглотнул. Беззаботная жизнь праздного помощника казначея внезапно пустилась в совершенно новое, незнакомое до сих пор русло ответственности. Имя «Акросиас» вдруг обрело неподъемный вес. И, как назло, именно в этот момент перед глазами возник Форум. Сегодня великолепное архитектурное сооружение не вызвало у Иэна привычного восхищения.

Внутри круглых стен Форума, украшенных резьбой тончайшей работы и не менее изящными колоннами, проходили собрания гильдий Акроса. Именно здесь решались все вопросы, так или иначе затрагивавшие чиновников. Для обсуждения повседневных дел редко требовалось поголовное присутствие всех гильдий, но сегодняшнее собрание явно выходило за рамки обыденности. Когда Акросиасы перешагнули через порог входной арки, Иэн убедился в этом окончательно. Нет, зал не был переполнен до отказа. Просторное помещение Форума не знало столпотворений от первого дня своего возведения. Внутри находились лишь самые важные люди Акроса, многие даже явились без личной свиты. Главы гильдий располагались вокруг трибуны, занимавшей центр зала, куда, судя по всему, и предстояло подойти новоприбывшим.

На мгновение Иэн почувствовал себя приговоренным к смерти преступником, которого под руку ведут к виселице, – трибуна, окруженная строгими судьями, очень походила на место казни. Когда до центра Форума оставалось несколько шагов, молодой Акросиас заставил себя вынести вопросительные взгляды чиновников с поднятой головой и сам начал всматриваться в их лица. Первым он заметил грузного управителя гильдии торговцев – Лоас Ситакис усаживался на место последним, закончив нашептывать что-то своей многочисленной свите, которая по обычаю располагалась на ряду повыше, за спинами глав гильдий. Рядом с ним сидел его верный прихлебатель – глава гильдии ремесленников Гиппий Цавахид – фигура крайне неприятная и скользкая, но оттого не менее влиятельная. По правую сторону от трибуны было не таклюдно – там в гордом одиночестве сидела молодая Ианта Мантис, главный лекарь и одна из самых красивых женщин «города чиновников». Места гильдии казначеев многозначительно пустовали.

Иэну потребовалось собрать всю смелость в кулак, чтобы взглянуть туда, где, как он знал, будет сидеть Натос Аргос, глава гильдии воинов. Но вместо того, чтобы встретиться глазами с чиновником, Иэн уставился на незнакомого человека возле него. Рядом с Натосом сидел мужчина, которого можно было бы назвать пожилым, если бы не по-солдатски идеальная выправка и живые, строгие глаза. Голову незнакомца венчали редкие седые волосы, которые отступали от разрастающейся на лбу лысины, чего он явно, к его чести, не стыдился. Мужчина был одет в крайне примечательную белоснежную рясу с черным крестом на груди. Форум посетил Леви-афан.

Иэн удивленно взглянул на своего дядю – лицо Элая Акросиаса не выражало ровным счетом ничего. Он уже успел подавить любое негодование и, казалось, готовился по-светски деликатно улыбнуться всем присутствующим. Но, в самый последний момент, чиновник пренебрег излишней вежливостью. Встав у трибуны, он, не выказывая внешне ни толики пиетета, прокашлялся и начал выступление дежурной фразой всех заседаний Форума.

– Приветствую чиновников Акроса.

Чиновники Акроса по этикету кивнули в ответ.

– Приветствую также дорогого гостя из Левиафана, – все так же сухо поприветствовал загадочную фигуру казначей. Настал черед гостя покивать в сторону трибуны.

Вся эта обязательность в очередной раз напомнила Иэну, как противно ему выходить в свет. Даже сейчас, когда страх и неуверенность крепко держали его за горло, он ощущал неприязнь ко всем вокруг. Элай, вторя настроению племянника, продолжал без всякой учтивости:

– Не будем ходить вокруг да около. Я не стану притворяться, будто не знаю, зачем я здесь, – как видите, я не сел на свое место рядом с вами, но сразу подошел к трибуне. Я готов выслушать вас и ответить на все вопросы.

Прямота казначея не стала неожиданностью для остальных чиновников. Пока некоторые из них недовольно перешептывались, Натос Аргос смотрел на Элая с уважением. Этот грозный мужчина презирал большинство чиновников, и лишь прямолинейный казначей, оставаясь, конечно, в их числе, стоял в его глазах выше остальных многословных управителей.

– Хорошо, Элай, – густым басом отозвался Натос. – Твою семью обвиняют в связях с преступницей Элен Орос. Что ты можешь рассказать нам об этом?

– И так ясно, что он скажет, – недовольно пробормотал своим утробным голосом Лоас – достаточно громко, чтобы услышали все присутствовавшие.

Элай предпочел снести оскорбление и, как ни в чем не бывало, начал отвечать Натосу, глядя только на него:

– Хотелось бы узнать причину сих обвинений. Но прежде всего я скажу, что у этих слухов нет никаких оснований. У моей семьи нет ни единой причины связываться с преступным отребьем...

– Причин достаточно, – на сей раз казначей прервал Гиппий, явно заискивая перед главой гильдии торговцев. – Ты, Элай, никогда не гнушался умелых наемников с темным прошлым. Все мы знаем, как твои должники бесследно растворяются, будто их никогда и не было.

Вся многочисленная свита главного торговца согласно закивала, Форум наполнился шумными спорами. Прежде чем Элай успел ответить на очередное оскорбление, со своего места поднялась прекрасная Ианта Мантис.

– Не стоит бросаться обвинениями, дорогой Гиппий, – спокойно, но настойчиво проговорила она. – Один лишь мотив не доказывает вины, да и сам мотив крайне расплывчат. Господин Натос, я уверена, не согласился бы выступать судьей в столь щепетильном деле, не выслушав обе стороны, – закончив, Ианта бросила кокетливый взгляд на холодное лицо Натоса, которое тут же расцвело в ответ.

Обаяние Ианты не только успокоило чрезмерно наглого Гиппия, но и Элай, казалось, от одного лишь голоса главного лекаря забыл о попорченной чести. Иэну эта картина показалась весьма забавной. Поддавшись очарованию Ианты, все будто напрочь забыли, что Элен Орос была лекарем. Более того – ей довелось не раз беседовать с Иантой Мантис, и именно глава гильдии, по слухам, помогла будущей предательнице достичь высот в службе.

– Вы абсолютно правы, дорогая Ианта. – Натос прокашлялся. – Мы поспешили с обвинениями, Элай. Однако, боюсь, у нас были для того основания, – глава воинов указал на церковника, который до сих пор не вмешивался и молча наблюдал за происходящим.

Церковник не спеша и с достоинством поднялся с места. Строго осмотрев всех присутствующих, он заговорил тихо, будто произнося молитву, и зал Форума наполнился непривычно холодным, хрипловатым голосом:

– Элен Орос – беда и ответственность славного Акросы. Но я здесь отнюдь не потому, что Левиафану вздумалось вмешиваться в дела других городов. Прежде чем я сообщу вам все, что известно нашему Патриарху, знайте одно – Элен Орос долгое время была любовницей Элая Акросиаса.

Все без исключения чиновники переменялись в лице, однако недовольных или злорад-ных выкриков в сторону Элая не последовало – даже Лоас с Гиппием на этот раз промолчали. Посол Левиафана, не удосужившись даже представиться, нанес чудовищный удар по репутации одной из управляющих семей Акроса. Посол же не придавал своим словам должного значения в готовности обрушить на слушателей куда более зловещие новости.

– Более того, теперь она творит зло в наших землях, и у Патриарха есть основания полагать, что она получила поддержку от семейства Акросиасов. Левиафан располагает неопровержимыми доказательствами этого союза в виде переписки, которую удалось перехватить ставленнику Левиафана в союзном городе Латрисе.

Посол умолк, покончив с обвинением. Управители Акроса не могли поверить, насколько сочная кость упала прямо перед ними, и церковник выжидал, когда кто-нибудь из них наконец в нее вцепится. Посол был не дурак – он очень хорошо знал, как устроен Акрос, Иэн это сразу понял. Какова бы ни была цель его визита, теперь вся верхушка города чиновников висела на крючке.

Как Иэн и догадывался, первой откликнулась Ианта Мантис.

– Думаю, что имею право высказаться от лица всех нас – Акрос никогда не откажет Левиафану в поимке опаснейших преступников.

Безусловно, произносить ничего не значащие фразы от лица всех чиновников Ианта была в полном праве. Иэн подметил, что она весьма искусно заслоняла своей услужливостью собственное участие в этой истории.

Элай поспешил выступить в свою защиту прежде, чем его молчание успели истолковать как согласие с обвинением:

– Если бы ваши обвинения, уважаемый посол, не сулили мне столько бед, я бы, признаться, от души посмеялся. Элен Орос, да будет вам известно, имела честь выслужиться перед дражайшей Иантой, за что была вознаграждена вниманием и других семей. Я даже готов предположить, что не помню о наших с ней отношениях, но то, что я, якобы, писал ей какие-то письма, – тот еще анекдот.

– Боюсь, наш разговор перетекает не в то русло, – перебил Элая посол. – И в том есть моя вина. Разрешите представиться – Николас Савиар, правая рука Патриарха Левиафана. И я здесь отнюдь не затем, чтобы пролить свет на вашу, господин Акросиас, вовлеченность в жизнь преступницы. Я здесь затем, чтобы отыскать Элен Орос вместе с ее сообщниками и лично убедиться, что они закончат свои дни в петле. Если хозяев Акроса не затруднит, я хотел бы заострить ваше внимание на поимке опаснейших дезертиров, а не на осуждении вашего ближнего.

«Как благородно с твоей стороны, церковник, – зубы Иэна скрежетнули от такой наглости. – Сначала окунул нас в дерьмо, а теперь говоришь, что пришел не за этим».

Чиновники на трибуне были готовы оспаривать такой поворот событий – разнос Элая как раз таки казался им главной целью сегодняшнего собрания. Но посол не дал им возможности вмешаться. К всеобщему удивлению, на его лице отразилась неподдельная скорбь, и его обвинительная речь приняла неожиданный поворот:

– Элен Орос путешествует не одна, и в наших землях группа ориентируется благодаря предателю из наших рядов... Левиафан тоже способен рождать монстров, – посол, будто кающийся преступник, опустил глаза.

– Что нужно Левиафану для поимки преступников? – раздался бас Натоса.

Посол повернулся к Натосу и продолжил свою исповедь:

– Если бы дело состояло лишь в серебре и солдатах, то Левиафан управился бы своими силами. Нам нужно нечто другое – и куда большее. Поймите, – посол вновь обвел взглядом всех присутствовавших, – людей, что путешествуют с Элен Орос, нельзя недооценивать. Все они – опытные бойцы, каждый прошел через многочисленные бои и вышел победителем. Они беспощадны, умны и вооружены до зубов. У них есть лекарь, и они знают Ойкумену как свои

пять пальцев. Их следующей целью может стать любой город. Поэтому, – мужчина сделал многозначительную паузу, – нам нужны не ресурсы, но информация. Покажите мне, как далеко простираются ваши связи.

– Я попрошу вас изъясняться подробнее, – повелительным тоном отозвался Натос. – Пока что я не вижу, как чиновники Акросы могут вам помочь.

– Чтобы поймать этих дезертиров и отступников, нам нужно знать об их намерениях, – ничуть не смутившись отвечал церковник. – Как сказал господин Элай, Элен Орос была знакома с главой гильдии врачей...

Прежде чем Ианта смогла что-либо возразить, посол настойчиво продолжил, примирительно сложив перед собой ладони:

– Конечно, я, в свою очередь, расскажу все, что известно Патриарху о том проводнике, что путешествует с ней. Так мы сможем установить, с кем группа общалась, кто мог их видеть или знать что-то об их планах. Это единственный способ поймать преступников прежде, чем они станут еще большей угрозой.

Посол закончил речь, в зале повисла тишина. Чиновники переглядывались друг с другом, как бы удостовераясь, что остальные готовы проголосовать. На их лицах присутствовала нескрываемая тень неодобрения. Иэн не мог разгадать игры церковника, но при этом он испытывал облегчение от того, что семья Акросиасов больше не находилась в центре всеобщего внимания. Нужно было как можно скорее начинать голосование, пока все без исключения чиновники не вспомнили о своих истинных мотивах. Конечно, ни Элай, ни, тем более, Иэн не могли принять участия в голосовании – иначе их корыстный интерес в прекращении расследования вновь всплыл бы на поверхность.

Долго ждать не пришлось: Натос, будучи зачинщиком собрания, вновь взял на себя организаторский труд. Убедившись, что никто из присутствующих не хочет ничего добавить, он без лишних слов первым поднял руку, выражая свое согласие с послом. Для него не стало сюрпризом, что остальные чиновники не спешили следовать его примеру – Лоас и Гиппий сидели картинно неподвижно, надменно поглядывая на посла Левиафана. Элай решил не испытывать удачу и обеими руками держался за трибуну, смотря прямо в глаза Натоса. Наконец подняли руки гильдия торговцев и ремесленников. Главный врач, убедившись, что от ее решения больше ничего не зависит, тоже подняла свою изящную ручку.

– Акрос поможет вам, посол. – Натос поднялся со своего места и добавил: – Каждый из нас расскажет все, что знает о Крысах.

Посол смиренно кивнул в ответ. Пока чиновники неторопливо покидали свои места, Акросиасы уже спускались по ступенькам Форума. Элай все время смотрел перед собой, погруженный в размышления. Иэн не хотел вмешиваться, но у него накопилось столько вопросов, что учтивость была решительно им проигнорирована:

– Значит ли это, что нас оставят в покое? Или же будет еще одно собрание? Или...

– Отставь все сомнения, – перебил Элай своего племянника. – Это лишь начало. Церковник отвлек их, но кампания против нас уже запущена. Что там, черт побери, вообще произошло?..

– Господин Акросиас! – неожиданно донеслось откуда-то позади.

Повернув голову, Иэн увидел обвинителя его семьи.

– Я надеялся, что и вы окажете мне услугу. Несмотря на то, что я послужил причиной вашего обвинения.

Прямота святоши, при всей своей проблематичности, не могла не импонировать Иэну. Элай отплатил Николасу той же монетой.

– Признаюсь, мне не приходит в голову ни одной причины помогать вам, распространителю гнусных слухов.

Посол лишь сдержанно улыбнулся, будто его вовсе не обвинили в последней лжи.

– Как бы вы ко мне ни относились, господин Акросиас, но помогать мне – в ваших интересах. Если вы и впрямь невиновны, то за вашим обвинением кроется заговор крупных масштабов. Помогите Левиафану, и Левиафан поможет очистить ваше имя.

Элай вынужденно согласился, но подавать виду не спешил – вместо этого он молча ждал продолжения. Николас убедился, что к его словам относятся серьезно, и продолжил:

– Мне и впрямь не обойтись без вашей помощи. Преступники должны быть пойманы в кратчайшие сроки. Акрос должен ответить на вызов вместе с Левиафаном.

Иэн готов был поклясться, что его дядя вот-вот сорвется. Казначей строго сверлил святошу тяжелым взглядом, однако тот даже и не думал отводить глаз. Наконец Элай Акросиас шумно выдохнул, и его огромные глаза перестали полыхать гневом.

– Так вот к чему весь этот концерт, – усмехнулся он. – Теперь у вас в кармане и мои враги, и я сам. Неплохо сыграно, господин Савиар.

Церковник вновь улыбнулся, отдавая должное находчивости своего оппонента.

– Иногда приходится скрывать истинные намерения своих поступков, чтобы они привели к добру, – будто цитатой из Священного Писания ответил он.

Элай сухо кивнул в ответ.

– Буду рад принять вас сегодня вечером в моем доме, – с этими словами казначей развернулся, и, даже не окликнув Иэна, поспешил по важным государственным делам.

* * *

Званный ужин был организован по всем правилам гостеприимства и в кратчайшие сроки. Казначей понимал, что церковник нужен ему в наилучшем расположении духа, хотя и сомневался, что его можно подкупить лестью. Попробовать, тем не менее, стоило. От роскошной трапезы ломились столы, которые прислуга вынесла на веранду с панорамным видом на город, где Элай принимал самых важных гостей.

Когда слуги проводили гостя к хозяину поместья, чиновник не без удивления отметил, что посол не потрудился переодеться во что-то более подобающее – своей рясе с крестом он хранил фанатичную верность, подобно христианской жене. Судя по всему, даже ради этой встречи церковник решил не отказываться от образа прямолинейного наглеца. И все же первые слова Николаса Савиара шли вразрез с неприглядным образом, который успел составить Элай:

– Господин Акросиас, благодарю за приглашение. Прежде всего разрешите извиниться за свою вынужденную наглость. Патриарх знает, когда следует ждать, а когда – действовать, и это дело поистине безотлагательно.

Элай привык общаться с прагматичными людьми, но фанатики вроде Николаса оставались для него неизведанной территорией. Раздумывая, как лучше подступить к этой персоне, он жестом руки пригласил гостя присесть в кресло напротив себя. Пока посол устраивался, Элай успел заметить, что его гость выглядит несколько иначе, чем на Форуме сегодняшним утром. Его глаза больше не сверлили окружение резким взглядом, а на лице легкой тенью, почти незаметно, расположилась улыбка. Складывалось впечатление, что его миссия в Акросе завершалась полным успехом и разговор с Элаем был лишь маленькой деталью, не способной испортить общей картины.

Чиновник провел сотни встреч, как со своими сторонниками, так и с противниками, однако он впервые почувствовал себя неуверенно в собственном доме. Казалось, с тех пор, как этот Николас появился в Акросе, от решения самих хозяев города ничего не зависело. Элай постарался как можно скорее отогнать непрошенные мысли, пока его неуверенность не отразилась в поступках. А потому он поспешил взять инициативу на себя:

– Давайте сразу проясним кое-что, дорогой Николас, – посол уловил серьезный настрой оппонента и тоже посерьезнел, сложив руки у пояса в готовности слушать. – Вашим обвине-

ниям – грош цена, и я до глубины души оскорблен тем, что услышал. Не хочу, чтобы мы что-то скрывали друг от друга.

Николас хотел было учтиво улыбнуться и сказать пару-тройку подходящих по этикету слов, однако Элай резко прервал его намерение, предупреждающе выставив вперед ладонь.

– Услуга за услугу, вот почему я согласился встретиться с вами – не более того. Но прежде всего мне нужно узнать кое-что у вас, господин посол.

Николас внимательно смотрел на Элая и терпеливо ждал.

– Вы ведь можете для начала удовлетворить мое любопытство?

– О, это меньшее, что я могу сделать для вас, господин Элай, – посол будто нарочно отказывался выходить из своего нового образа излишне вежливого гостя. – Что же показалось вам столь любопытным?

Элай бросил усталый взгляд на гостя, пытаясь понять, сможет ли тот ответить честно и без пустых светских ужимок, после чего решил более не медлить:

– Что за бред вы несете?

У Элая получилось выбить собеседника из привычной колеи. Николас лишь непонимающе распахнул глаза, однако ответить он был явно не в состоянии.

– Сколько их там, говорите? Ах да, вы это так и не уточнили. Элен Орос, проводник из Левиафана и загадочные «они» – вроде всех перечислил? Опаснейшие преступники Ойкумены, их поимка – достойное занятие для верного слуги Патриарха. Дорогой Николас... В вашей истории есть все, кроме одной детали – смысла. И, прошу, не нужно вновь говорить о том, как их недооценивают, это я уже усвоил. Скажите мне лучше, – Элай слегка подался вперед к опешившему слушателю, – зачем *на самом деле* вы поднимаете всех на уши?

Посол Левиафана дослушал Элая, не перебивая. Ему явно нужно было время, чтобы собраться с ответом, и он тщательно подбирал слова, прежде чем отреагировать на вопиющую грубость хозяина. Сам казначей тем временем небрежно откинулся в кресле в ожидании ответа.

Наконец церковник заговорил, но уже без следа жеманства:

– По правде говоря, господин казначей, мне нечего добавить к уже сказанному. Сейчас вы, очевидно, не понимаете, но поимка преступников – приоритет всех городов без исключения. «Почему?» – спросите вы. Боюсь, это вопрос истинной веры.

Посол прервал свою речь и с угрюмым видом поднялся из кресла, рассматривая лежавший перед ним город.

– Так что же вам известно? – вернулся Николас к повестке дня.

Элай решил, что настало время бросить ищейке затравку.

– У Элен Орос есть брат, Джон Орос. В Акросе о нем знают немногие, хотя они с сестрой неразлучны. На вашем месте я допросил бы его бывших сослуживцев – может, его они выдадут охотнее, чем девуку.

– Весьма недурно, —просиял Николас. – Обязательно так и поступлю. Но этого мало. Вы ведь и правда знали Элен Орос...

– Не в том ключе, в каком заявляете вы, – поспешно поправил его Элай.

– И все же. Вы уклоняетесь от ответа, господин казначей.

Наглость церковника переходила все границы, переступать которые Элай не позволял даже себе. Впервые за всю свою жизнь он чувствовал, что вот-вот совершит ошибку и позволит гневу разрушительной волной выплеснуться наружу. И все же он не сделал ничего, чтобы это предотвратить.

– Слушай меня внимательно, святоша, – слова охотно рвались наружу, сами облекали себя в нужную форму. – Я готов терпеть многое. Я привык, что меня хотят сбросить, раздавить, уничтожить. Меня не удивляет, что сегодня в моей жизни появился церковный выскочка,

непонятно зачем разрушающий мою семью. Ради своего имени я готов это терпеть. Но если ты сейчас же не перестанешь разыгрывать передо мной наглого льстеца, то...

Николас, резко развернувшись, в одно мгновение оказался рядом с чиновником и угрожающе склонился над ним. Его глаза полыхали гневом, на лбу вздымалась синяя вена.

– Я уже закончил с лестью, господин Элай, – Николас чеканил каждое слово жестким, дребезжащим голосом. – Не заблуждайтесь – мне она дается так же тяжело, как и вам. И я попросил бы вас умерить свой высокомерный нрав, ибо вы не видели и толики того, на что я готов пойти ради этого дела!

Гнев Николаса отступил так же быстро, как и нахлынул. Отодвинувшись от опешившего Элая, он с облегчением выдохнул.

– Прошу прощения, – совершенно обыденно, будто собеседники только что обсуждали приятную летнюю погоду, выдал посол. – Ничто так не волнует меня, как государственные дела моего города. Уверен, вы меня понимаете.

Церковник вновь уселся назад в кресло с виноватой улыбкой и, как ни в чем не бывало, тут же увел разговор в сторону.

– Прежде чем я уйду, господин Элай, у меня к вам есть еще одно дело. Патриарх не хотел, чтобы я гнался сразу за двумя зайцами, но все мое естество противится его воле. Только в данном случае, разумеется! Дело это, как я считаю, не менее щепетильное, чем суeta вокруг семьи Орос. Вам уже довелось слышать последние новости из Башни?

Элай, так до конца и не разгадав суть игры оппонента, все же решил отвечать честно:

– Я слышал, что в Домоаре впервые что-то происходит.

Казалось, Николас вот-вот готов был встретить остроумный ответ искренним смехом, но чуда не произошло.

– Точнее и не скажешь, – вместо этого ответил он. – Наши друзья-земледельцы впервые обратили внимание на деятельность собственных гостей. Как там себя называют эти граждане? – Николас взглянул на Элая с наигранно задумчивым видом.

Казначей понимал, что церковник все и так прекрасно знает – ведь в Домоаре действительно зародилось нечто, чего церковь Левиафана переварить не могла. Тем не менее чиновник решил подыграть своему собеседнику. Уж слишком сильно тот старался выглядеть непринужденным, а срывать с него очередную маску было крайне нежелательно.

– Голос Народа, – ответил Элай. – Делятся с бедняками неким сакральным знанием и заверяют в том, что их ведет прямой потомок Свободных, как их называют в Домоаре, – казначей прокашлялся, вспомнив, что перед ним сидит церковник. – Или Спасителей, если вам угодно...

– Или Наследников, если угодно *вам*. Я не из тех, кто обижается на разные имена наших создателей, – Николас вновь вежливо улыбнулся, однако теперь на его лице играло с трудом сдерживаемое раздражение. – Думаю, мне нет смысла объяснять, что деятельность этих наглецов противна не только Левиафану, но и остальным городам.

– Я слышал обратное, – попытался аккуратно возразить чиновник. – Люди к ним тянутся.

Николас, судя по всему, ожидал от собеседника совсем иных слов. Ему пришлось заново бороться с подступившим праведным гневом, прежде чем продолжить.

– Люди, о которых вы говорите, господин Элай, – простой народ. Вам ли не знать, как опрометчив он может быть в вопросе собственного благополучия. Здесь, в славном Акросе, простолюдин полагается на чиновников, в Левиафане – на Церковь, в Домоаре – на старейшин...

– А в Латрисе? – с невинным выражением лица поинтересовался Элай.

Николас в ответ лишь опустил голову и тяжело выдохнул. Судя по всему, он, подобно образцовому христианину, чувствовал личную ответственность за все без исключения грехи Левиафана. Элай рассчитывал, что посол попытается защитить честь родного города, но вместо

этого церковник поднял на чиновника все еще печальные глаза и тоном, которым разъясняют очевидные вещи непонятливым детям, заговорил:

– А в Латрисе, господин Элай, простой народ уповает на милость божью. Хотя сам он этого не понимает. – Николас поднялся с места с намерением закончить разговор. – Я искренне надеюсь, что чиновники Акроса не потерпят выскочек, попирающих традиции и веру их родного дома. Но, скажу прямо, я сомневаюсь, – посол пожал плечами. – Вы, скорее всего, не снизойдете до собственного народа. А ведь он, как вы сами и сказали, уже потянулся к соблазну. В ваших силах уберечь Акрос от ошибки. Что ж, благодарю за приглашение. Ужин я, пожалуй, пропущу, благодарю за хлопоты.

Когда Николас повернулся к Элаю спиной, тот, ведомый любопытством, решил окликнуть этого странного человека:

– Господин посол! Что же натворили Крысы в ваших землях?

Казначей ожидал от собеседника очередного прилива стыда, но вновь не угадал. Николас лишь слегка повернул голову и отозвался глухим, отстраненным голосом:

– Совсем недавно меня о том же спрашивал Ксарвас Хорий. Он не верил в Единого Бога, как и не верил в Христа и его посланников. Для него мой ответ не имел бы смысла. Будет ли в моих словах смысл для вас?

Чиновник посчитал разумным промолчать.

– В таком случае, Крысы не сделали ничего примечательного.

Две головы

В просторном помещении расположился народ Домоара. Землевладельцы и пахари, богатые и бедные, молодые и старые – все сидели в благоговейном молчании поодаль друга от друга, и в эту минуту между ними не было непреодолимых различий. Собравшиеся сегодня люди чувствовали нечто объединяющие и настолько прочное, что не отдаться всеобъемлющему чувству было сродни богохульству.

Вокруг стоял легкий запах редких свечей, свет которых давал лишь смутное представление о том, как помещение выглядело изнутри. На бревенчатых потрескавшихся стенах и балках под потолком причудливо изгибались тени. Вместо пола была земля, довольно прохладная, несмотря на жаркую погоду снаружи. Кое-где лежали соломенные подстилки, однако на скромное и неудобное убранство не жаловались даже самые зажиточные из присутствовавших. Взор людей был устремлен на небольшое возвышение в конце зала – что-то вроде гротескного, толком не оформленного трона, на котором восседала человеческая фигура, чье лицо скрывал глубокий капюшон. Люди терпеливо ждали, когда человек на «троне» заговорит.

Наконец это произошло – без всяческих вступлений человек начал рассказ. Зазвучал молодой, почти детский голос, и вместе с ним – история Домоара и всей Ойкумены, ради которой народ земледельцев собрался в скромном помещении.

– То, что мы называем Природой, есть основа всего, что нам, ее созданиям, дано. Другие миры, звезды, небо, вода и земля есть ее форма, постоянное присутствие. Время не властно над Природой – ее творения распадаются, но Природа от этого не убывает. Природа бесстрастна, самодостаточна и непреклонна.

Но мы, ее создания, не подобны ничему, что мы видим вокруг. Это – наше особое положение, влекущее как благо, так и страдание. Мы страдаем, будучи устроенными иначе, чем все неживое и немыслящее, и мы благословлены, так как способны заметить, ухватить в слове, «поймать» Природу. Люди – ее самое утонченное воплощение. Еще никогда Природа не присутствовала так явно, так величаво, как с нашим появлением на свет.

Но не ошибитесь – Природе не нужно наше поклонение. Она не «желала» создавать нас, как можем желать мы, и от нас не ждут благодарности. Страдания, выпавшие на людскую долю, сполна платят за право жить в этом мире. Не Природе должны мы возносить хвалы, но нашим корням – самым первым людям, Свободным.

Две семьи дали жизнь всему человечеству, как дали ему в наследство и его главное проклятие – войну. Война вершится до сих пор. Колоссальные битвы прошлого обмелели, но не потеряли ожесточенности. Война вошла в наши дома, отравила наши улицы. Каждый день мы видим ее жертвы. Бедность, голод, отчаяние – ее дети. Бездуховные богачи, пресыщенные духовники и убийцы – ее вершители.

Вы спросите: за что нам благодарить Свободных? Возможно ли благодарить тех, кто заставил нас страдать? На это я отвечаю вам – без войны мы были камнем в реке. Недвижимым, неживым. Природа создала нас, ибо того требовала полнота творения, но, чтобы мы не уподобились камню, нас нужно было окружить злом. Как не видим мы звезд без непроглядной тьмы, так не видели бы мы добродетелей без творимого зла. За то – вечная хвала Свободным.

Человек в капюшоне закончил рассказ, но вставать никто не спешил. Слушатели знали, что загадочный рассказчик собрал всех здесь не только лишь ради своей речи.

Повисшая тишина неожиданно прервалась стуком и скрипом, исходившим откуда-то сверху, так, что народ вздрогнул. Люди подняли головы на звук, и в этот момент в крыше распахнулось окно, через которое жадно устремился солнечный свет. Привыкшие к темноте глаза

зажмурились сами собой. Помещение в целом оставалось довольно тусклым, и вскоре первые слушатели смогли открыть глаза. По залу разнеслись восхищенные вздохи.

Свет с крыши падал на то место, где только что вещала загадочная фигура. Теперь человек стоял в полный рост, его капюшон покоился на плечах, позволяя зрителям разглядеть рассказчика. Им оказался совсем молодой паренек, не больше пятнадцати лет от роду, отчего непосвященному слушателю могло показаться странным, что вся эта разношерстная публика собралась ради какого-то юноши в мешковатых одеждах.

Выглядел рассказчик весьма примечательно: вполне обыкновенное для мальчишек его возраста худощавое телосложение и средний рост отходили на задний план, стоило только взглянуть ему в лицо. Две черты соревновались друг с другом за внимание – длинные огненно-рыжие волосы и ужасающих размеров шрам, тянувшийся со лба к подбородку через правый глаз. Разглядеть в полумраке его менее броские черты не представлялось возможным.

Несколько мгновений юноша молча обводил взглядом слушателей, выдерживая многозначительную паузу, после чего зазвучал новый голос, невидимый и пронзительный, и на этот раз он принадлежал женщине.

– Домоар! Перед тобой – живой наследник Свободных, пастырь верных последователей первых людей! Внемли его словам!

Ошарашенная толпа оставила безуспешные попытки отыскать глазами источник голоса, который, казалось, исходил одновременно отовсюду, и вновь с благоговением уставилась на «наследника».

– Как этот свет позволил вам узреть меня, – вновь обратился к собравшимся юноша, – так я помогу вам узреть многочисленные истины Природы! Мои последователи черпают из нескончаемого источника знаний Свободных и делятся им. Они учат исцелять, творить и преуспевать на любом поприще. Есть ли сегодня здесь те, кто подтвердит мои слова?

Долго ждать ответа не пришлось. Сразу несколько голосов наперебой начали возносить хвалу юноше и его последователям:

- Они излечили мою дочь, от которой отказались все знахари Домоара!
- Они обучили меня счету, и я преумножил свое состояние!
- Они построили дома для немощных и обездоленных!

Заведенная толпа моментально наполнила помещение восторженным ревом, разобрать в котором что-либо больше не представлялось возможным. Люди тянули руки к наследнику, а особо впечатлительные не могли сдерживать слез благоговения. Казалось, что юношу попросту разорвут, однако стоило ему поднять перед собой руку, как дикий народный хор быстро стих. Убедившись, что его слушатели готовы к продолжению, юноша вновь заговорил:

– Меня зовут Эйвинд, и я последний из рода Свободных, наших праотцов и создателей Ойкумены. Вы пришли ко мне, и в обмен на вашу верность я предложу то, что вам было обещано, – тут из темноты позади наследника выступило несколько фигур. – Истины!

Четверо новоприбывших людей, одетых в одинаковые мешковатые робы, несли большой и явно тяжелый сундук. Когда их ноша с глухим стуком опустилась на землю перед Эйвиндом, тот, как по команде, отступил на пару шагов от толпы. Один из его последователей убедился, что наследник договорил, повернулся к толпе и начал громко вещать:

– Мы – Голос Народа. Те, кто помогают нашему делу, не остаются без награды. Сегодня каждый получит то, что ему нужно больше всего. Для больных у нас есть лекарство, для голодных – пища, для заблудших – мудрость.

Народ Домоара больше не смотрел на Эйвинда, их глаза сосредоточились на большом сундуке, из которого вот-вот должны были появиться обещанные дары. От наследника требовалось одно последнее наставление, прежде чем он мог удалиться.

– Примите дары свои, помня о порядке, как завещано нам помнить Природой, – возвестил напоследок Эйвинд, и после его слов народ и впрямь прекратил гомонить. К сундуку стала выстраиваться организованная очередь.

Юноша набросил на голову капюшон и удалился в заднюю часть помещения под прощальные возгласы толпы.

* * *

Как только Эйвинд вышел на задний двор, то сразу же заметил крытую повозку, запряженную лошадьми. Из повозки выглянуло знакомое ему с детства женское лицо, но он и так успел сообразить, что прибыли именно за ним.

– Тебя подвезти, красавчик? – окликнула наследника женщина в повозке, задорно подмигнув.

Несмотря на поганейшее настроение, которое накатывало на Эйвинда всякий раз, когда ему приходилось разыгрывать очередное представление перед впечатлительными простаками, он невольно улыбнулся – сопротивляться веселому обаянию Ашты было попросту невозможно.

– А у меня есть выбор? – пробурчал Эйвинд, поднимаясь внутрь повозки.

Юноша уселся напротив Ашты и сбросил с себя надоевший капюшон, всячески стараясь при этом отвести глаза от улыбающейся женщины напротив, чтобы самому ни в коем случае не улыбнуться в ответ. Ашта, довольная тем, что ей удалось рассеять мрачные мысли юноши, приказала извозчику трогать, и повозка, качнувшись, покатила по улицам Домоара к центру города – месту, полному гостей, что оставили свои родные дома ради свободного воздуха города земледельцев. Наконец Эйвинд смог позволить себе взглянуть на женщину без риска окончательно отогнать от себя гнетущую тоску. Ашта выглядела чрезвычайно жизнерадостно и бодро: по-домоарски смуглое лицо сегодня украшали румяна, а длинные смольные волосы были аккуратно собраны в косу, что позволяло ей выглядеть намного моложе своих сорока лет. Ее большие, темные глаза все еще улыбались.

Ашта была рядом всю его жизнь, сколько он себя помнил, и только ради нее он продолжал послушно играть роль пророка. Несмотря на свой, в целом, ветреный и вспыльчивый характер, она успешно заменила ему и мать, и отца, которых юноша никогда не знал. Она же была его единственным другом. С тех пор как Голос Народа объявил Эйвинда наследником Свободных, она оберегала его от многочисленных врагов движения, и самым опасным из них была Церковь Левиафана.

– Сколько мне еще этим заниматься? – начал с риторического вопроса Эйвинд. – Клянусь, если мне придется еще раз повторять эту чушь, я...

Ашта мгновенно вспомнила о своей воспитательной роли и предупредительно подняла указательный палец:

– Жалуйся, сколько хочешь, но не забывайся! Тебе ли не знать, как к этой... *чуши* серьезно относится Голос и наши враги, – вместо слов, Ашта выразительно провела ладонью вдоль своего лица, намекая на старый шрам Эйвинда.

Молодой наследник лишь закатил глаза и безразлично уставился в окно повозки. Ашта поздновато осознала, что отреагировала не в меру резко, и решила некоторое время не нарушать тишину. Вместо лекций, которые надоели ей самой, она принялась разглядывать неприемлемые низкие хижины окраинного Домоара, где обитали пахари, скотоводы и прочий люд, проводивший большую часть времени за работой в поле.

Несколько минут тишины позволили Эйвинду дойти до того предела самобичевания, когда отвращение больше не получается смаковать и разум старается отвлечься на что угодно. Он пытался размышлять о других городах, книгах, которые он прочитал и собирался прочи-

тать, о предстоящем путешествии в Башню, но внутри него продолжал вскипать один вопрос за другим, и он был вынужден первым прервать молчание:

– Почему именно так, Ашта? К чему эти спектакли со светом, сундуки с дарами? Неужели люди к нам иначе не потянутся?

Прежде чем женщина успела возразить, что этот вопрос они обсуждали уже много раз, Эйвинд продолжил:

– Да, да, так быстрее. Проще. Но только ли поэтому?

Ашта встретила вопрос непонимающим взглядом, изящно приподняв бровь.

– Тебе не кажется, что здесь что-то не так? – Эйвинд перешел на повышенный тон, захваченный собственной идеей. – Я имею в виду, что наши методы не отличаются от методов базарных зазывал.

– Эйвинд...

– Нет же, послушай, я не собираюсь снова жаловаться. Мне действительно интересно, почему мы помогаем людям, но при этом выглядим так, будто мы обыкновенные торгаши? Что нужно Голосу? Больше людей, чтобы помогать народу? Церковь тоже кормит бедных, по своему заботится о людях...

– Церковь. Церковь! – Ашта с беспомощным видом всплеснула руками. – Это они подослали к тебе ту змею! Оставили вечное напоминание о себе на твоём лице!

– Ашта, никто не знает наверняка, кто это был...

– Я знаю! Весь Голос знает, а Эйвинд, почему-то, – нет!

Женщина по-детски надулась и скрестила руки на груди. Когда Ашта злилась на Эйвинда, то делала это неизменно комично – в такие моменты казалось, будто она моложе собственного подопечного. Однако свою инфантильность Ашта могла разыгрывать только лишь перед Эйвиндом – *настоящий* гнев домоарки не проходил бесследно ни для кого. Упомянутого Аштой неудачливого агента, подосланного убить наследника, допросить не удалось – женщина в порыве слепой ярости одним ударом превратила его нижнюю челюсть в труху, не говоря уже об остальных многочисленных – и совсем необязательных – увечьях.

Несмотря на то, что реакция Ашты была скорее очередным назиданием, чем праведным гневом, Эйвинд заставил себя прекратить разглагольствования. Наставница, быть может, только казалась раздосадованной, но спорить теперь было бесполезно – в ответ Эйвинд получил бы очередную бурю эмоций и наставлений. Но не успел юноша окончательно оставить на сегодня критику своей странной и бесчестной жизни, как поймал на себе резко переменившийся взгляд Ашты, прямого которого так сильно выделялась на фоне уже минувшей детской обиды, что Эйвинд невольно отпрянул.

– Сегодня у тебя будет возможность задать свои вопросы Лильяне.

Эйвинд вытаращился в ответ, не веря собственным ушам. *Настоящий* лидер Голоса изволит лично переговорить с лидером поставленным? Вот же дурная шутка. Вся суть отношений Эйвинда и Лильяны состояла в том, что им нельзя было часто видиться с глазу на глаз, чтобы – уберегите Свободные – вездесущие недоброжелатели не добрались до верхушки Голоса в случае поимки «лживого пророка». Именно ее приказам в полном неведении подчинялись последователи Эйвинда, да и сам юноша не был исключением. Для толпы Лильяна была всего лишь одним из верных послушников; для провозглашенного наследника Свободных – воплощением разочарования и неуверенности в собственном деле.

Когда удивление отступило, на смену ему пришла озлобленность.

– Неужто она просит личной аудиенции? Переговорить наедине с самим Эйвиндом Свободным? – юноша продолжал театрально таращиться на Ашту, на этот раз изображая оскорбленную особу знатных кровей. Судя по кислой гримасе Ашты, она не впечатлилась кривлянием Эйвинда. Подперев подбородок ладонью, женщина устало помотала головой на манер строгой воспитательницы, которая отчаялась вбить в порученное ей дитя хоть толику разума.

– Ладно-ладно, не закатывай глаза, – примирительно улыбнулся юноша, махнув рукой. – Ты знаешь, почему я так...

Остаток пути до «главной церкви Голоса», как называл это место Эйвинд назло своей опекунке, показался молодому наследнику невероятно длинным. Пару раз он даже пытался поторопить извозчика, но всякий раз Ашта давала ему по рукам и призывала к терпению, повторяя что-то о взрослении и «соответствующем поведении». Эйвинд слушал вполуха и не скрывал этого – предвкушение полностью завладело им. Он представлял, как будет выкручиваться Лильяна в ответ на неудобные вопросы. Видел себя со стороны и подмечал отточенность собственного ораторского мастерства, направленного против трусливого лидера. Эйвинд смаковал скорую победу. «Если повезет, то, быть может, моя жизнь сегодня изменится к лучшему», – повторял про себя юноша, в то время как глубоко внутри он искренне верил в неизбежные перемены.

Когда повозка достигла места назначения, Эйвинд, позабыв о всяческих церемониях, выскочил навстречу своим последователям, ожидавшим возвращения наследника после очередной благородной миссии. Аште, которая должна была, сообразно негласным правилам, подать руку обожаемому пророку, оставалось лишь с замиранием сердца направиться следом. Наследник поспешно вошел в арку внешней стены и в очередной раз пробежал взглядом скромно отделанный, ничем не примечательный дом, где изо дня в день трудилась сестра Лильяна, неустанно придумывая новые способы навредить Эйвинду. По крайней мере, так в шутку иногда воображал сам Эйвинд, подмечая при этом, что в каждой шутке больше правды, чем вымысла.

Многочисленные последователи благоговейно расступались перед юношей. Те, кто стояли у его пути, становились на одно колено, подражая слугам местных владык, и раболепно шептали благословения, люди поодаль почтенно склоняли головы. Эйвинд не замечал ни тех, ни других, полностью сосредоточившись на том, как он спросит у мажордома Лильяну, как тот услужливо поклонится в ответ, как гордо и легко он войдет в залу, где она обыкновенно трудится, как поймает на себе ее притворно-покорный взгляд и прикажет оставить их наедине. Дальше его мысли не заходили, и он не видел в том ни малейшей нужды – в конце концов, он воображал себе эту встречу еще с момента их последнего разговора «по душам», случившегося около года назад. До той первой встречи он искренне верил в дело Голоса. После нее уверенность сменилась раздражением и горечью, и виной тому стала именно Лильяна.

Эйвинд был опьянен фантазиями. Мажордом встретил его низким, полным достоинства старого слуги поклоном и направил пророка в главную залу, где, как он и предвкушал, его ждала Лильяна. Два лидера Голоса встретились глазами. Как и всегда, девушка изображала из себя робкую послушницу ровно до того момента, когда Эйвинд негромко, но властно попросил остальных прислужников удалиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.